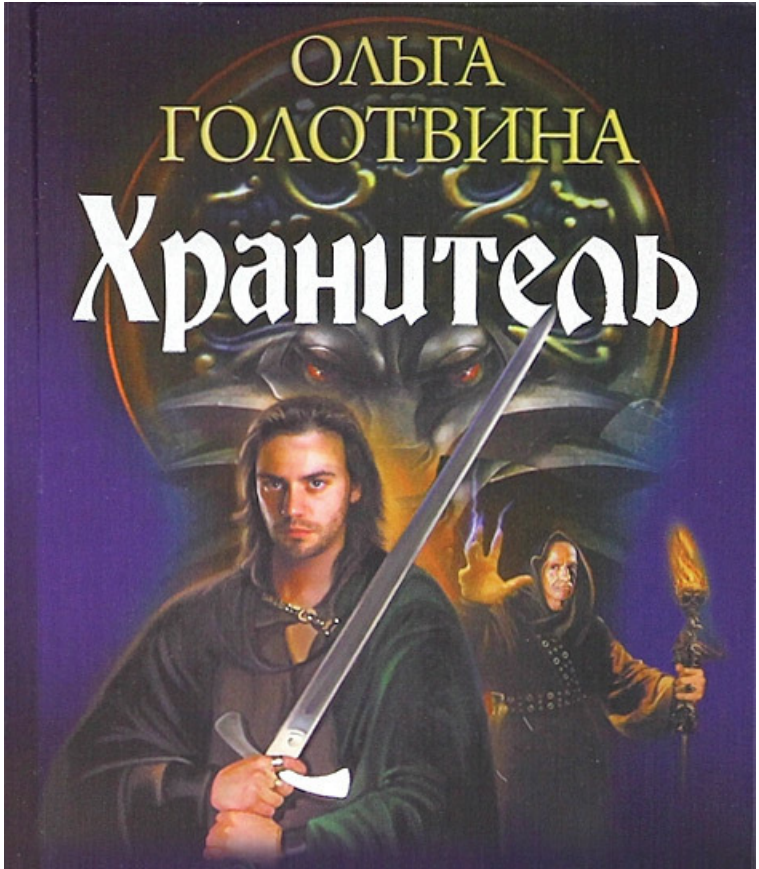
ОЛЬГА ГОЛОТВИНА

Хранитель



Душа пламени

Ольга Голотвина
Душа пламени
Серия «Хранитель», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146357
Душа пламени: Авторское; 2002

Аннотация

Есть ли время любоваться на экзотические диковины Наррабана, когда древняя тайна, способная изменить лик мира, может попасть в недобрые руки…

Когда секта фанатиков-убийц рвется возродить свое жестокое божество и готова для этого пролить реки крови…

Когда чудовища пожирают людей в подземельях под древним городом…

И это лишь часть того, с чем предстоит встретиться Ралиджу из Клана Сокола, который отправился на поиски старого ученого Илларни.

И пусть ему предстоит встретить старых врагов и нажить новых, пусть недружелюбная к чужакам заморская страна преподносит на каждом шагу новые опасности… разве бросит Ралидж в беде мудрого старика, когда-то заменившего ему отца?

Содержание

290 год Железных Времен 4
1 5
2 28
3 37
4 46
5 65
6 76
7 84
8 97
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Ольга Голотвина
Душа пламени

С благодарностью посвящаю эту книгу Александру Станиславовичу Курьяте, мастеру-кузнецу, сковавшему мне в подарок великолепный меч, а также Рене, без которой я никогда бы этого меча не увидела, и всей цепочке читателей, передававшей меч из Житомира в Санкт-Петербург, а оттуда – в Москву: Рене, higf, Тельтшар, Хелькэ, Orrofin, Scorpion (Archon).

Чем бы ни была грозная Душа Пламени – разве она сильнее человеческой души?

290 год Железных Времен

«Из всех напастей, которым Единый позволил обрушиться на Наррабан, самым ужасным было нашествие иноземцев во главе с королем Джайкатом. Не страшны были копья, не страшны были мечи, а страшен был богомерзкий колдун Шадридаг, идущий с войском. Был тот колдун звездочетом и украл тайну Души Пламени, что записана была в небесах сияющими буквами. И так грозна была Душа Пламени, что летописцы боялись заносить на пергамент достоверные сведения о ней,

ибо суеверно ждали за то огненной смерти для себя. Потому нам приходится довольствоваться устными преданиями, в равной мере жуткими и невероятными…»
Гхаурудэр, «Взгляд в прошлое», свиток десятый

1

Пламя факелов дрожало и тянулось ввысь, но не в силах было осветить мрачную обширную пещеру. Свод терялся во тьме, и казалось, что у пещеры вообще нет потолка, что ее накрывает вечный беззвездный мрак.

Ярче всего освещено было возвышение из черного гранита, к которому вели широкие ступени. По углам возвышения были вбиты массивные ржавые кольца с обрывками веревок. В неглубоких желобках, избороздивших поверхность камня, застыла кровь.

Это мрачное древнее сооружение не могло быть ничем иным – только жертвенником. Даже не глядя на него, с закрытыми глазами, случайно угодивший в пещеру путник ощутил бы ледяную волну ужаса.

Но еще страшнее была возвышающаяся над жертвенником гигантская статуя из черного камня.

Ничего чудовищного не было в облике статуи: не прорезали рот клыки, не таращились мерзко выпученные глаза. Нет, из сумрака угрюмо и сосредоточенно глядело молодое,

с правильными чертами лицо. Пожалуй, каменный человек был даже красив – суровой и грозной красотой. Он сидел в свободной, уверенной позе, опустив левую руку на колено, а правую вытянув вперед и немного вниз – так, что она склонялась к жертвеннику.

То ли здесь потрудился гениальный ваятель, то ли впрямь, как гласит предание, не руками человеческими была создана статуя, – но только мороз пробирал по коже при взгляде на этот сумрачный лик.

Те, чья жизнь обрывалась на черном жертвеннике, знали, что на их предсмертные мучения неотрывно глядят глаза Кхархи, Хмурого Бога.

Со всех сторон к статуе неслись вздохи и тихие стоны. Но это стенали не души бессчетно замученных на жертвеннике людей – всего лишь выл воздух, проходя сквозь незаметные отверстия. Без них в пещере невозможно было бы дышать, такие густые серные испарения валили из бокового тоннеля (одного из трех, что черными пятнами затаились во мраке). Тоннель этот никуда не вел – он заканчивался глубокой и широкой трещиной, на дне которой медленно вздымалась и опадала золотая вязкая масса. Ибо гора была вулканом – и время от времени сотрясала окрестности яростными выплесками лавы.

Но некому было бояться гнева подземных сил. Земледельцы не селились тут не только из-за огненного буйства вулкана, но и из-за тайной, глухой, расползавшейся шепотком

недоброй славы этих мест. А люди, которые время от времени раскидывали шатры у восточного склона, у единственного в этих краях родника, не страшились подземных толчков и глухого гула, потому что знали: лава хлынет по западному склону, по проложенному веками руслу.

И щель, сочащаяся вонючими испарениями, была для этих людей лишь местом, куда удобно скидывать трупы. Сегодня в эту трещину тоже было опущено мертвое тело. Но его не тащили за ноги по полу тоннеля, как это обычно делалось, а несли, завернув в бархатное покрывало, и при этом многоголосо взывали к Хмурому Богу.

И теперь вокруг жертвенника в мрачном молчании восседало около пятидесяти человек. Это была на редкость разнообразная компания. Нищий в отрепье сидел рядом с толстяком в золотой парче. Горец с наррабанского севера в одежде из козьих шкур соседствовал с грайанцем в нарядном камзоле. Свирепый рубака с иссеченной шрамами открытой грудью устроился возле тихого старичка, пальцы которого были испачканы чернилами.

Были в этом пестром собрании и две женщины. Одна – немолодая, коренастая, в горских штанах из выделанной кожи и рубахе из небеленого полотна – носила на голове алую повязку Матери Племени. Другая была с головы до ног скрыта под густой вуалью. Наррабанки давно уже не носили такой убор, лишь некоторые женщины из благородных семей продолжали поддерживать древние традиции. Иногда она тихо

поправляла вуаль, показывая тонкую руку в золотых кольцах.

Внезапно чинное выжидание было прервано резким движением гибкого, сильного тела. Тигриным прыжком на ступени выметнулся смуглый человек, взбежал на жертвенник, застыл рядом с рукой статуи, в свете факелов.

Нельзя было угадать возраст по этому темному лицу, выдубленному сухим ветром пустыни. Жгучие черные глаза, горбатый хищный нос, жесткая линия рта. Черная шапка вьющихся волос тщательно подбрита вокруг ушей. Ушные раковины сверху донизу проколоты, в дырочки продеты тонкие золотые кольца. В одном ухе – шесть колец, в другом – семь. Наряд мужчины составляли дорогие, расшитые серебром шаровары и старая безрукавка из козьей шкуры, распахнутая на темной груди. На выпирающих грязных ключицах лежало золотое ожерелье с драгоценными камнями. Повернувшись лицом к статуе, пустынный кочевник взревел:

– Великий Одержимый умер! Он в Сияющем Мире, он счастлив! Те, кого он убил во славу Кхархи, стали там его рабами! Теперь я буду великим Одержимым! Я, Нрах, прозванный Львом Пустыни! Возьми меня, Хмурый! Я – твой слуга, я – Избранный!

Собравшиеся выжидающе молчали. Нрах обернулся, оглядел пещеру и понял, что сказано мало. Как истинный наррабанец, кочевник ненавидел долгие разговоры, но для такого случая пришлось призвать на помощь все свое крас-

норечие.

– Я – Нрах! – заорал он, ударяя себя кулаком в грудь. – Львом Пустыни зовут меня, горячим ветром зовут меня, песчаной бурей зовут меня! Двести клинков под моей рукой – и все Посвященные! Там, где проходят мои воины, ветер разносит дым и пепел, песок впитывает кровь! Мои бойцы, как настоящие львы, вспарывают животы врагов и рвут зубами печень! Хмурый, это для тебя! Взгляни на мои уши! Каждое кольцо – это десяток врагов, убитых в бою, а замученных пленников я не считаю! Кхархи, я достоин быть Великим Одержимым!

Голос кочевника угас под черным сводом. Разгорячившись, как в бою, Нрах бросил руку к бедру, туда, где ладонь привыкла находить рукоять кривого меча. Но рука бессильно повисла: воин вспомнил, что он безоружен – как и все, кто собрался в пещере.

Жест этот остудил пыл кочевника. Он повел плечом – мол, я все сказал! – спустился по ступеням и остался стоять у жертвенника.

Тихо встал с места старик в лохмотьях, поднялся, приволакивая ногу, к статуе, под факельные отсветы.

– Иххо Кривая Нога – так зовут меня, – начал он, стараясь говорить солидно и веско, но голос привычно сбивался на хнычущую, просительную скороговорку. – Я – старейшина нищих, что сидят у Храма Единого в Нарра-до. Ты знаешь меня, Кхархи! Я достоин быть Великим Одержимым. Не

две сотни Посвященных, а вдвое больше покорны моей воле. Днем они бродят по дворам и клянчат объедки или толпятся у храмов, вымаливая у прохожих медяки… а ночью, выползая из подвалов и подворотен, подкарауливают запоздалых прохожих, поджигают дома, крадут детей у спящих матерей. Мои люди не машут клинками и не рвут зубами печень врага, но те, кто попадает в наши руки, долго, очень долго зовут смерть-избавительницу. А когда она все-таки приходит, мы бросаем изуродованные тела на перекрестках и площадях, чтобы утром горожане увидели, ужаснулись и завыли – на радость тебе, Хмурый! Возьми меня! Я обыщу весь мир и найду твой браслет! Ты вернешься в эту пещеру, обретешь прежнюю силу… я сделаю это, Кхархи!

Прихрамывая, Иххо спустился по ступеням и встал рядом с Нрахом. Физиономия кочевника перекосилась от зависти к гладкой речи соперника.

Но вскоре исходить завистью пришлось уже им обоим, потому что на жертвенник взошел плечистый грайанец в дорогом камзоле и затопил присутствующих волнами красноречия. Был он пиратом, командовал эскадрой из пяти кораблей и теперь живописал разоренные портовые города, горящие суда, багровые от крови волны – и все это, разумеется, во славу Хмурого. Кто, как не он, достоин стать Великим Одержимым?

Почти все сожженные города и потопленные корабли, что перечислил пират, были наррабанскими. Присутствующие (в

большинстве своем наррабанцы) внимали рассказу доброжелательно и с уважением.

Когда пират спустился с жертвенника и занял место рядом с другими претендентами, на гранитном возвышении встал человек столь экзотической внешности, что даже среди сдержанных зрителей пронесся легкий шепоток.

Щуплый человечек с белесыми ресницами и бледно-голубыми глазами вежливо и задумчиво оглядел толпу. Его хрупкое тельце тонуло в несуразном буром балахоне, усеянном карманами всех размеров. На талии балахон был схвачен серебряной цепочкой. По спине спускались белые, почти бесцветные волосы такой длины, что позавидовала бы иная женщина. Заплетенные в три тонкие косы, они были аккуратно заправлены под цепочку. Надо лбом волосы были выщипаны, и на блестящей розовой коже красовалась причудливая тонкая татуировка, завитками спускающаяся на виски. Да, ни с кем нельзя было спутать жителя Ксуранга (или, как они себя называли, ксуури).

– Мое имя я оставил дома, – защебетал ксуури тонким голосом (даже резкая, гортанная наррабанская речь в его устах напоминала птичье пение). – Зовите меня Уасанг, что означает «чужеземец»… Вы хорошо ублажаете Кхархи. Но он не возвращается, потому что стоны и вопли, доносящиеся до него, слишком слабы. Сегодня кричит человек на жертвеннике, завтра скулит под пыткой бедолага в подвалах Нарра-до, послезавтра голосит кочевой род, который вырубают

воины вот этого героя с трудным именем и с кольцами в ушах… Этого мало, очень мало! Когда Хмурый сделает меня Великим Одержимым, я устрою так, что горе расплеснется волной до небес – и разом, в один день!

Все заинтересованно притихли. Ксуури запустил тонкую лапку в один из своих бесчисленных карманов и поднял над головой небольшую склянку.

– Это яд! Я знаю сорок шесть рецептов ядов. Есть составы, которые убивают мгновенно, как молния; есть такие, что заставляют умирать в долгих муках; некоторые оставляют человека в живых, но делают слепым или глухим; некоторые вызывают паралич или безумие. Есть яды, которые человек глотает с едой и питьем, а есть такие, которым достаточно капелькой попасть на кожу…

Собравшиеся слушали эти слова, как прекрасную песню.

– Когда я стану великим Одержимым, я переверну мир в поисках браслета, что звеном священной цепи свяжет Хмурого Бога с его тенью, вернет ему силу и власть. А пока идут поиски, я прикажу готовить яд, много яда! И в каждый город, в каждое селение отправлю по человеку, в крупные города – несколько… Мы, кхархи-гарр, «слуги Хмурого», многочисленны, мы и в сопредельные государства пошлем своих людей: пусть ничего не делают, просто живут там. Едва мы узнаем хоть что-то о браслете, пошлем им условный знак. В один и тот же день отравят они источники воды там, где поселились…

Ксуури сделал паузу, дав собранию прочувствовать тонкую прелесть этой картины. Все зачарованно молчали, только с уст женщины под вуалью сорвался громкий сладострастный стон.

– Неужели, – продолжил ксуури, – Хмурый Бог не воспрянет от такого пожара людской беды? Неужели к нему не вернутся силы, неужели он не придет в пещеру, в каком бы обличье он ни был: птичьем, зверином или человеческом?

Поклонившись собравшимся, он спустился вниз и стал у жертвенника.

Первым сбросил чары щебечущего голоса тощий старикашка с козлиной бородкой и испачканными в чернилах пальцами.

– Постойте! – вскочил он на ноги. – А почему этот мудрый человек не сказал, сколько Посвященных находится в его власти?

– Ни одного, – развел руками ксуури.

– Как же так? – ахнул старик. – Какой же ты тогда Избранный?

– А я не Избранный, – объяснил Уасанг. – Просто мне удалось случайно узнать про кхархи-гарр, и я решил, что мое место – среди них.

Поднялся возмущенный ропот.

– А условный знак? – вновь спросил старик, теперь уже тоном сурового обвинителя. – Откуда тебе известен условный знак Избранных? А также место, где находится пещера?

– Есть снадобья, развязывающие людям язык. Но вы не беспокойтесь: человек, раскрывший ваши тайны, уже мертв, так что…

Его заглушил хор протестующих голосов. Кхархи-гарр сочли поведение ксуури нестерпимо вызывающим. Каждый из них в свое время прошел крутую, залитую кровью лесенку: от Ученика-в-Черном – к Принесшему Клятву, от Принесшего Клятву – к Посвященному, от Посвященного – к Избранному. А этот чужеземец хочет обогнать их одним прыжком? Ну уж нет!

Но все же речь ксуури произвела на слушателей сильное впечатление и спасла оратору жизнь. Все согласились с тем, что Уасанг может быть полезен. Не стоит казнить его, лучше принять в ряды кхархи-гарр и даже помочь побыстрее пройти все положенные ступени.

Глаза чужеземца чуть сузились – у сдержанных ксуури это было признаком бешенства. Но он ничем больше не выдал своих чувств, лишь сказал мягко:

– Что ж, попытаю счастья в другой раз. А пока выражу свое восхищение мужеством остальных претендентов. Ведь их трое, а Хмурому нужен один…

Пират побледнел, Иххо потупился. Нрах заскрежетал зубами: удар пришелся точно в цель.

Голоса в пещере разом смолкли: кхархи-гарр одновременно вспомнили, как Хмурый выбирал прежнего Одержимого.

* * *

Тогда четверо Избранных предложили себя Хмурому. Четверо матерых убийц, во всех отношениях достойных чести встать во главе кхархи-гарр. Все четверо были допущены к страшному испытанию – беседе с тенью бога.

Жребий указал, кто из четверых останется на ночь в пещере со статуей.

На рассвете слуги Хмурого вернулись в пещеру. С первого взгляда на Избранного им стало ясно: человеку хорошо! Рот растянут в счастливой улыбке, глаза пустые, по подбородку течет струйка слюны…

Тот, кто отвергнут богом, не нужен и его слугам, поэтому безумца тут же прикончили на жертвеннике, но что за радость от убийства, если человек не воет от страха, не умоляет о пощаде!

Второй претендент внезапно отказался от испытания, заявив, что больше не считает себя достойным такой чести. Небывалый случай! Со времен первого Великого Одержимого не происходило ничего подобного! Избранные до хрипоты проспорили весь день, а к вечеру решили казнить труса.

В пещере остался на ночь третий претендент. С ним хлопот оказалось куда меньше, потому что наутро его нашли на полу мертвым, с выражением запредельного ужаса на лице. Так что его понадобилось всего-навсего оттащить к расще-

лине и бросить в лаву.

Четвертый же претендент на следующее утро сам вышел навстречу слугам Хмурого, с безумным блеском в глазах начал вещать о крови, огне и смерти и потребовал, чтобы девятеро самых видных Избранных были немедленно принесены в жертву Кхархи. Это было тут же исполнено самым быстрым и аккуратным образом, потому что все поняли: бог сделал свой выбор…

* * *

Но сейчас кхархи-гарр, растревоженные словами Уасанга, думали не о страшной, почти безграничной власти, которую получил Великий Одержимый, а об участи троих отвергнутых, которые вовсе не были слабыми, ничтожными людьми…

Преодолевший замешательство Нрах хотел было прореветь что-то гневное, но заметил, что присутствующие разом вытянули шеи и потрясенно глядят мимо него – на жертвенник. Кочевник обернулся – и коротко взрычал от удивления.

Над жертвенником колыхалось серебристое марево, похожее на рябь воды на поверхности озера в солнечный день. Марево затрепетало, мерцая, из него шагнул на жертвенник высокий человек с узкой темной бородкой. Холодные серые глаза спокойно и твердо взглянули на ошеломленных слуг Хмурого. Бледное горбоносое лицо со следами недавно за-

живших порезов было невозмутимым, лишь тонкие губы под черной полоской усов улыбались чуть презрительно и насмешливо.

Какими бы отчаянными ни были кхархи-гарр, все же потрясение лишило их речи и оледенило сердца страхом. А незнакомец заговорил с небрежной надменностью:

– Слушал я вас, слушал, и слушать вас мне надоело. Все вы глупцы. Ваши предшественники создали великолепное сообщество – мощное, грозное, неуловимое, проникающее своими щупальцами куда угодно, от королевских покоев до глухой норы в городских трущобах! И на что вы тратите эту силу? Ловите путников по дорогам? Вырезаете беззащитные семьи кочевников? Все вы мыслите мелко и скудно, если не считать этого мечтателя из Ксуранга, у которого есть забавные, но заслуживающие внимания идеи. Впрочем, его мысли текут в неверном направлении. Никакой силы кхархи-гарр не хватит, чтобы с должным размахом взяться за все человечество. Для этого человечество само должно приняться за дело своего уничтожения. Величайшая из войн, в которую были бы втянуты все страны и народы… возможно, с привлечением армий из иных миров… разве не было бы это изысканным лакомством для Хмурого? Подумайте еще о… впрочем, нет, не нужно. Я уже понял, что размышления для вас – непривычный и тяжелый труд. Я избавлю вас от этой заботы. Поздравляю, вы меня уговорили. Я, Джилинер Холодный Блеск из Клана Ворона, Ветвь Черного Пера, согласен

стать вашим… как его… Великим Одержимым.

Последние слова вывели Избранных из шока. Они поняли, что имеют дело не с загадочным сверхъестественным существом, а с человеком, причем весьма наглым. В гневе забыв о его эффектном появлении на жертвеннике, кхархи-гарр дружно вскочили на ноги, чтобы расправиться с незваным гостем.

Нрах очнулся на мгновение раньше других, одним прыжком взлетел на жертвенник и ударил себя твердым кулаком в грудь.

– Моя добыча! – прохрипел кочевник Избранным и перевел благосклонное внимание на незнакомца. – Ты… отродье вонючего шакала! Я вырву твои кишки!

Угроза не была немедленно приведена в исполнение лишь потому, что Нрах, как многие прирожденные лидеры, был позером. Бессознательно он оттягивал момент расправы, чтобы всласть покрасоваться на глазах у Избранных. Вот он каков: натиск, гнев, рычание!

Джилинер хладнокровно взглянул в лицо разъяренному Льву Пустыни.

– А если вас беспокоит, – возвысил он голос, чтобы преодолеть нарастающий шум, – что я не являюсь Избранным и не имею под своей командой сотни-другой головорезов, то можете не волноваться: мне это совершенно безразлично!

В глазах Нраха полыхнула красная жажда убийства. Он оскалился, предвкушая удовольствие голыми руками зада-

вить наглеца.

– Что же касается моих планов на будущее… – продолжил было Джилинер.

– А-аргх! – взревел кочевник, сделав шаг к жертве. Джилинер бросил на него быстрый взгляд и спокойно позвал:

– Шайса!

Серебряное марево вновь замерцало, на жертвенник шагнул невзрачный человечек с невероятно длинными руками.

– Шайса, – негромко пожаловался Джилинер, – этот верблюд меня все время перебивает…

Только очень опытные воины заметили короткое движение, которым наемник отправил в полет нож, словно выпустил птицу на свободу.

Нрах захлебнулся рычанием и лицом вниз рухнул на жертвенник.

Неистовым порывом гнева захлестнуло Избранных. В этот миг двое пришельцев были на краю Бездны, потому что на них ощерилась стая матерых убийц. Не важно, что эти двуногие звери были без оружия: почти все они в мастерстве не уступали Шайсе.

А сам Шайса был невозмутим. Он полностью доверял хозяину. И оказался прав: его господин в два счета укротил эту свору. Причем без всякой магии.

Джилинер вытянул руку в ритуальном жесте – вперед и немного вниз – и возопил, перекрывая злобные голоса.

– Да примет Хмурый Бог жизнь этого человека! Да насла-

дится его предсмертными стонами! Да возрадуется при виде его страданий!

Произошло то, на что и рассчитывал Ворон. Сработала страшная сила: привычка, вошедшая в плоть и кровь.

Разум еще не успел подсказать слугам Хмурого верное решение, а руки сами собой вытянулись в сотни раз уже проделанном жесте – вперед и вниз, как у черной статуи. Полсотни глоток дружно взвыли:

– Да насладится! Да возрадуется!

Когда крики смолкли, все на миг притихли, не зная, что делать дальше. Джилинер победно вклинился в эту паузу:

– Хмурый, избери меня! Я самый сильный маг в этом мире, а главное – скоро в моих руках будет тайна Души Пламени!

Это окончательно потрясло и добило Избранных. Не было в Наррабане слов страшнее, чем «Душа Пламени», – со времен короля Джайката, чьи войска пожаром прошлись по городам, горам и пустыне.

А Джилинер, смиривший врагов и завладевший их тревожным вниманием, спустился с жертвенника и скромно встал рядом с пиратом и Иххо.

Старый нищий, все это время что-то хитро соображавший про себя, заговорил громко:

– Я не отказываюсь от своего решения и по-прежнему хочу стать Великим Одержимым. Но этот чужак произнес слова, которые не должны дымом разлететься по воздуху. Если

он говорит правду – он великий человек. Если лжет – достоин любой казни. Но кто лучше отделит правду от лжи, чем тень Хмурого? Кто придумает для лжеца самую страшную кару, как не она? Я считаю, что этому человеку надо без жребия уступить право первым провести ночь в пещере… – Иххо вопросительно взглянул на второго претендента.

– Уступаю! – угрюмо кивнул пират. Впервые ему отказало хваленое грайанское красноречие.

* * *

Солнце, залившее восточный склон безымянной горы, ворвалось в нижнюю пещеру, но сумело взобраться лишь на первые ступени лестницы. Выше все продолжало тонуть во мраке.

Шайса сидел на крутой ступеньке, небрежно вертя в пальцах нож. Он знал, что никто не осмелится потревожить его хозяина там, в освещенной факелами верхней пещере. Но все же верный слуга не терял бдительности…

Зашелестели шаги у входа. Один за другим к пещере стекались Избранные. Ночь они провели в своих шатрах в оазисе, подковой охватывавшем восточный склон горы. Теперь они спешили узнать, как решила тень бога судьбу грайанца.

Шайса молча поднялся, пропуская вереницу Избранных мимо себя по узкой лестнице.

Ступеньки кончились, проход расширился, и кхархи-гарр

уже не гуськом, а толпой вступили в пещеру, где царила черная статуя.

Догорающие факелы бросали отсветы на жертвенник. На этом мрачном возвышении удобно уселся Джилинер, постелив на гранит сложенный плащ и прислонившись головой к вытянутой руке Хмурого Бога. Пристроив на согнутом колене навощенную дощечку, он сосредоточенно что-то писал.

– А, пришли! – небрежно приветствовал он Избранных. – Значит, уже утро?

Он гибко спрыгнул с жертвенника и всласть потянулся. У мага был измученный вид. Щеки, и без того впалые, ввалились еще глубже; белки светлых глаз покраснели; кожа была бледнее, чем обычно, на ней резко выделялись шрамы.

– Ну и устал же я! – пожаловался Ворон. – До сих пор на моей памяти была лишь одна столь же утомительная ночка – это когда я приехал в столицу и принимал в гостях у себя трех актрис тайверанского театра… тогда тоже ночь тянулась, тянулась, никак кончиться не могла…

Обведя взглядом изумленные физиономии Избранных, Джилинер снизошел до объяснений:

– Я имел беседу с тенью Хмурого. Мы нашли общий язык и вполне друг друга поняли. Признаться, я приятно удивлен. С таким богом полезно будет сотрудничать… – Ворон еще раз потянулся. – Итак, за дело! Сначала займемся самым важным и неотложным: созданием удобств и уюта для меня. Разумеется, я не стану жить в этой вонючей пещере. Кажет-

ся, у восточного склона есть оазис? Мне понадобится хороший шатер.

– Да соблаговолит Великий Одержимый принять в подарок мой шатер, – склонился до самого пола толстяк в богатом наряде. – Таким не побрезговал бы сам Светоч!

Коротким взглядом Ворон оценил парчовый кафтан с рубиновыми застежками, в котором красовался его собеседник.

– Да, вряд ли ты живешь в рваной палатке… Хорошо, беру. Еще мне нужен умелый повар, только пусть не предлагает мне пресные лепешки и конину.

– Ну что ты, господин! Все сделаем, господин! – отозвалось несколько голосов.

– Ладно, теперь о менее важных вещах: нам предстоят поиски магического браслета и овладение Душой Пламени.

– Еще нужно разыскать существо, в которое воплотился бог… – робко подсказала женщина под вуалью.

– Это не наша забота. Тень объяснила, что главное – найти браслет и надеть его на руку статуи. Тогда Кхархи сам придет в пещеру. Или прилетит. Или прискачет. Впрочем, если я правильно понял характер Хмурого, он приползет. Но я о браслете… кто отвечает за шпионов? Ты, почтеннейший Иххо? Я так и думал. Ступай в мой шатер, побеседуем за трапезой. Остальные могут идти… нет, задержитесь еще! Взгляните на этого человека. Его зовут Шайса Змея, с этого дня он – Избранный.

– Но, господин мой, – дерзнул влезть с замечанием тот же старикашка, что разоблачил ксуури, – слуги Хмурого становятся Избранными не так!

Джилинер окинул старика нехорошо запоминающим взглядом. Старик побледнел, но не дрогнул. Видно было, что за букву закона он будет стоять насмерть – причем в прямом смысле слова.

Бесстрашие тщедушного наррабанца заинтересовало и позабавило Ворона.

– Ах, свиток ты пергаментный! – сказал он без гнева. – Чернильница ты на двух ножках! Как твое имя и кто ты таков?

– Ритхи-дэр, судья города Тхаса-до.

– Судья? Я должен был догадаться… Что ж, судья, растолкуй темному и глупому Великому Одержимому, как именно кхархи-гарр становятся Избранными.

Старик цепко вслушивался в интонации повелителя, пытаясь понять, близка ли смерть. Но ответил твердо:

– Десять Избранных, договорившись меж собой, приводят удостоенного высокой чести Посвященного перед очи Великого Одержимого и приносят свои ручательства за него, дабы тень Хмурого снизошла…

– Достаточно, я понял. Вот ты этим и займешься, Ритхи-дэр. Отсчитай-ка еще девятерых, прямо по головам, кто ближе стоит… семь, восемь… отлично! Идите все сюда и поручитесь передо мной за Шайсу. Можно хором, чтобы быст-

рее… Хватит, хватит, убедили, я вам верю. Шайса, ты – Избранный. Оставайся здесь, а все остальные – вон!

Кхархи-гарр тут же исчезли в черном тоннеле.

– Шайса, самое важное дело – тебе. Подбери надежный отряд из Посвященных и скачи на север, к побережью, в городишко Горга-до. Тамошний Хранитель… или, как здесь говорят, Оплот Города… его зовут Таграх-дэр… укрывает у себя звездочета по имени Илларни. Этот человек нужен мне живым и невредимым – я говорю об астрологе… Эй, о чем ты задумался? Куда уставился?

– Прости, господин! – Шайса с трудом оторвал взгляд от лица статуи. – Я слышал и запомнил каждое слово. Но эта гранитная кукла следит за мной глазами!

– Это не гранит. – Ворон с удовольствием оглянулся на статую. – Это обсидиан. И это настоящее произведение искусства. Стоило попасть сюда хотя бы ради того, чтобы увидеть это черное чудо.

– Может, и так. Но когда гляжу на эту фигуру, кажется, будто я здесь уже был… и видел это… пещеру, жертвенник…

– Вот как? – заинтересовался Ворон. – К тебе возвращается память? Как же я не подумал сразу – ты ведь, оказывается, и наррабанский язык знаешь! Ведь ты понял все, что здесь было сказано?

– Верно! – изумился Шайса. – Все понял!

– Может, ты был одним из кхархи-гарр? Пока не потерял

память, а? Ты прекрасно владеешь всеми видами оружия – не здесь ли тебя обучали этому?

– Очень даже может быть! – просветлел Шайса.

– Вот видишь! – порадовался хозяин за слугу. – Так постепенно все и вспомнишь! А сейчас – в путь… Нет, постой! Ты хотел спросить о чем-то, но не осмелился.

– Да не прогневается господин, – поклонился Шайса, давно привыкший к проницательности хозяина. – Я подумал о шрамах на лице Ворона. Неужели от них нельзя избавиться – с помощью магии или как-нибудь еще?

Тонкая холеная рука легко дотронулась до безобразных полос, пересекающих лицо.

– Пусть остаются как память о моей беспечности. Впредь буду осмотрительнее и беспощаднее. Но ты придумал этот вопрос на ходу, ты не об этом хотел спросить.

– Мой настоящий вопрос еще более дерзок, – решился Шайса. – Скажи, тень Хмурого действительно существует… или…

– Или я все придумал, чтобы подчинить себе эту банду сумасшедших?

К удивлению слуги, голос хозяина зазвучал просто и доверительно, словно Ворону хотелось поделиться лежащей на сердце заботой.

– Я и сам предполагал, что главари морочат головы прочим кхархи-гарр – возможно, с помощью магии… Нет, Шайса, тень бога существует – и она сильна! Так сильна, что мне

всю ночь пришлось сражаться за свою душу. Это был холодный разговор двух союзников – и в то же время беспощадный бой! Обсуждение совместных планов – и в то же время нестерпимая пытка! – Ворон криво усмехнулся и злорадно добавил: – Надеюсь, пытка взаимная! Я тоже кое-что понимаю в умении причинять боль, причем не только грубому и уязвимому человеческому телу… Но как же мне было тяжело! Я с трудом сумел выстоять, остаться прежним Джилинером… Если такова тень, то как же могуч сам Хмурый Бог? Я начинаю думать, что… – Ворон резко оборвал фразу, трезво и холодно взглянул на слугу. – Ладно, это все пустые слова. Ступай и не смей показываться мне на глаза без Илларни из Рода Ульфер!

Но Шайса слишком хорошо знал хозяина, чтобы дать себя обмануть показной деловитостью. Он поклонился и ушел, унося в сердце своем так и не произнесенный Джилинером конец фразы: «…начинаю думать, что связался с силами, обуздать которые мне будет не по плечу…»

2

Ну и что с того, что в Аршмир пришла осень?

Может быть, Новый порт и затих, тоскуя по чужеземным кораблям. Может быть, рыбаки Старого порта и ворчат, что первые шторма отогнали от берегов рыбу. Может быть, угомонилась суета вокруг бесчисленных складов. Может быть, оба рынка без заезжих торговцев кажутся опустевшими…

Но уж у городской стражи работы точно не убавилось! В любое время года и в любую погоду в Аршмире воровали и будут воровать! Наоборот, именно сейчас хлопот у стражи стало больше. Сброд, что летом мог прокормиться в порту, теперь рассеялся по городу и отчаянно ищет, чем бы набить брюхо. Так что осень для начальника стражи такая же горячая, страдная пора, как и для крестьянина, убирающего свой урожай. А уж про зиму – бр-р! – и думать не хочется!..

* * *

– Это же Аршмир! Самый чудесный город на свете! Столица моря и ветра! Ты воздух-то глубже вдохни, ясная госпожа! Вей-о-о! Чувствуешь, как прибоем пахнет?

– Рыба, – передернулась Нурайна. – Тухлая.

– Эх, – мечтательно вздохнул Орешек, не обращая внимания на враждебность королевской дочери, – тебе бы, госпо-

жа, взглянуть на этот город летом! Вот уж красота! А сейчас даже улицы опустели…

– Ты хочешь сказать, – ужаснулась Нурайна, – что этих мерзких нищих и бродяг может быть еще больше?

Орешек бросил на женщину быстрый довольный взгляд. Ему нравилось дразнить госпожу. Нурайна, в дворцовых стенах приученная скрывать чувства от посторонних глаз, рядом с Орешком теряла свою выдержку и откровенно злилась. Ей трудно было переносить присутствие наглого выскочки, недавнего самозванца, которого брат-король навязал ей в спутники в долгом путешествии.

Орешек, заметив это, с удовольствием демонстрировал худшие черты плебея, выбившегося в знать. Нурайна уже готова была рычать от его бесчисленных рассказов: приключения задиры-грузчика, мелкое воровство, актерские проказы, разбойничьи подвиги…

Самым забавным, на взгляд парня, было то, что Нурайна принимала его россказни всерьез, с искренним негодованием. Гордой королевской сестре и в голову не могло прийти, что над ней попросту потешаются и что большая часть этих возмутительных историй либо выдумана, либо произошла не с Орешком, а с кем-то другим…

Нурайна вскинула голову с надменной грацией породистой лошадки:

– До чего же здесь противно! Вернемся на корабль. Не могу избавиться от опасения, что он уплывет без нас.

– Не бойся, госпожа. Капитан сам себе не хозяин, им командуют приливы и отливы. Если сказал, что снимется с якоря на рассвете… Лучше прикупи в дорогу все, что нужно. Мы же второпях собирались, да сколько всего на постоялом дворе сгорело…

При воспоминании о пожаре Орешек чуть помрачнел. Не жаль было вещей, пропавших в огне, но было досадно, что не спас он сумку, в которой лежал пергамент, исписанный мелким почерком Даугура и скрепленный твердой королевской подписью. Пергамент, заверяющий его усыновление Кланом Сокола… Конечно, и без того все будут знать, что он Сокол, ведь об этом говорят знаки на одежде! Но все же Орешек счел гибель пергамента дурным предзнаменованием.

Занятый грустными мыслями, он не замечал, что на него украдкой поглядывают двое стражников с черно-синими перевязями на груди.

– Я же говорил, господин, – робко промямлил плечистый верзила. – А ты не изволил верить… Я ж его на сцене видел!

Начальник аршмирской стражи подкрутил длинные усы и снизу вверх глянул на подчиненного с таким гневом, словно тот лично был виноват в назревающих неприятностях.

Отец начальника стражи оказал своему первенцу плохую услугу, дав ему имя Джанхашар Могучий Бык. Такое имя, прицепленное к маленькому, щупленькому тельцу, обычно вызывало усмешку у окружающих.

Но только не у стражников! Маленький командир умел

заставить бояться себя. В основном он добивался этого зычной глоткой, злопамятностью и вредным характером.

Когда четверть звона один из стражников примчался с невероятной новостью, командир врезал ему в солнечное сплетение. Чтобы не болтал вздора. Надо бы по уху, да не дотянуться…

Джанхашар был искренне уверен, что крупный человек не может быть умным. Безликие чтят закон равновесия. Даря человеку мощное, большое тело, они обязательно обделяют его мозгами. Взять хоть этот случай… Это какая же тупая башка нужна, чтоб такое ляпнуть! Мол, актеришка из здешнего театра, несколько лет назад куда-то пропавший, вдруг вернулся и разгуливает по городу в одежде со знаками Клана Сокола!

Поскольку побитый стражник продолжал стоять на своем, командиру пришлось тащиться за ним через весь город, чтобы выяснить, врет верзила или бредит.

Но когда начальник стражи увидел выходящего из лавчонки Сокола, в ушах приливной волной загремела кровь, грозно покачнулась улица.

Рядом с Соколом шла женщина, настоящая красавица, но Джанхашар лишь скользнул по ней взглядом. В другое время он обязательно обратил бы на незнакомку внимание, потому что любил именно таких женщин – высоких, осанистых, с прекрасной фигурой… Но сейчас он видел одно, освещенную множеством светильников сцену, великого актера Рау-

шарни в ниспадающей складками мантии и пленного героя, который, опустившись на одно колено, вручал царственному победителю свой меч. Эти карие глаза… эти волосы цвета ореховой скорлупы… эти широкие плечи…

Да, в облике этого молодого человека перед начальником стражи предстала Большая Неприятность… Пожалуй, даже Большущая… нет, Громадная!

– Будем арестовывать, – решился Джанхашар. – Позови еще парней, небось торчат в трактире на углу…

– Понял, господин! – просиял стражник. – Ух, мы его и скрутим!

– Дурак! Хочешь, чтоб завтра весь Аршмир судачил о том, как стражники Соколу руки выкручивав? Или будешь каждому прохожему разъяснять, что арестовал самозванца? Все надо сделать тихо. Знаешь такой фокус – «поцелуй Хозяйки Зла»?

– Конечно, господин!

– Ну вот… Вроде как Сыну Клана плохо стало, а вы его до дома провожаете. Вежливо и чинно.

– Сделаем, господин… А потом его куда? В Дом Стражи или сразу в тюрьму?

Джанхашар не ответил, сраженный внезапной и ужасной мыслью.

А что, если он совершает чудовищную ошибку? Если это всего лишь роковое сходство высокородного господина и жалкого актеришки, сходство, специально подстроенное Хо-

зяйкой Зла, чтобы погубить карьеру некоего героического начальника стражи?

Сейчас эти оболтусы скрутят Сокола – настоящего Сокола! – и отволокут в тюрьму, прикуют в подземелье, рядом с грабителями, ворами и убийцами. А утром явится судья… нет, не судья, дело слишком серьезное… сам Хранитель Аршмира! Начнет разбираться… У-у-ужас!!!

Отвести подозреваемого в Дом Стражи, битком набитый этими гадами, что метят на командирское место? Да, тоже хорошо придумано…

Джанхашар принял необычное и смелое решение.

– Нет, отведи ко мне домой. В мой особняк. Да не вздумай по дороге арестованному что-нибудь сломать, даже если очухается и сопротивляться начнет…

Орешек, не подозревая об опасности, наконец согласился вернуться вместе с Нурайной на корабль, капитан которого уже получил с них вперед плату за проезд до Наррабана. Волнение женщины можно было понять, ведь «Золотая креветка» – последний корабль, который покидает аршмирский порт. Шторма этой осенью подошли рано…

Двое стражников поравнялись с Орешком. Он чуть посторонился, но тут к его лицу метнулась лапища одного из стражников. Влажная тряпка накрыла рот и нос. Резкий горьковатый запах отуманил разум, смешал мысли, заставил ноги подкоситься. Орешек пошатнулся, но стражники подхватили его, не дали осесть на вымощенную булыжником

улицу…

Нурайна отвлеклась было, разглядывая особо горластую и живописную нищенку, но услышала за спиной возню и обернулась.

Ее спутник, с бессмысленным лицом пьяного, не столько шел, сколько висел на руках у двоих стражников.

Женщина шагнула было вперед, чтобы потребовать у стражи объяснений, но замерла, пораженная ослепительной и радостной догадкой. Мерзкого самозванца узнал кто-то из стражников и без шума арестовал! Нурайне рассказывали о хитрых приемах, которые применяются при аресте преступников, в том числе и об одурманивающих снадобьях. Но какая аккуратная работа! Со стороны – безобидная сценка: двое стражников, надеясь на вознаграждение, помогают захмелевшему господину добраться домой…

Великолепно! Все складывается очень удачно! Ничего плохого с Соколом сделать не посмеют, пока не проверят его невероятный рассказ. На это уйдет много дней – а корабль отплывает на рассвете. Последний корабль!

Ничего, ничего, негодяю полезно посидеть в тюрьме. А она, Нурайна, отправится в Наррабан одна. Совесть ее будет чиста, да и брат ни в чем ее не упрекнет. Что она могла сделать? Затеять драку со стражниками, чтобы ее тоже арестовали? Побежать к аршмирскому судье и засвидетельствовать личность своего спутника? А если ее примут за сообщницу мошенника? А корабль тем временем уйдет!

Нет, спасибо Безликим, пусть все остается так, как они решили. Возвратившись, Нурайна отблагодарит их щедрыми пожертвованиями на все храмы Тайверана и Аршмира.

* * *

Капитан «Золотой креветки» был обескуражен, когда женщина, расположившаяся в лучшей каюте, небрежно сообщила ему:

– Мой спутник может не успеть к отплытию. Не задерживайся из-за него, плату все равно получишь за двоих.

«Да чтоб мне на Бродячий Риф напороться! – озадаченно подумал капитан. – Я-то решил, что тут любовная история, похищение…»

А в трюме, на мешках с пшеницей, устраивались поудобнее еще трое путешественников, которым капитан после некоторых размышлений тоже позволил плыть в Наррабан, но при условии, что они будут как можно реже высовываться на палубу.

– Он принял нас за бежавших из тюрьмы преступников! – гордо гудел Айфер.

– Что, всех троих? – усомнилась Аранша. – И госпожу? Нет, он думает, что мы с тобой похитили знатную красавицу и хотим продать за морем какому-нибудь ценителю.

– За морем… – печально проговорила Арлина из-под натянутого по самый нос плаща. – Айфер, ты был в Наррабан-

не… скажи, женщины там красивые?

– Очень! – мечтательно отозвался Айфер. – Черноволосые, черноглазые, на вид – смиренницы, а на деле – огонь! Смуглые такие, гибкие… с возрастом, правда, сильно полнеют, но это ж кому как нравится…

Аранша дотянулась в темноте до рассказчика и крепко ущипнула его, не заботясь, куда именно пришелся щипок. Раз уж они взялись охранять в пути госпожу, тайком отправившуюся следом за женихом, так незачем ее зря волновать!

Айфер понял намек и продолжил успокоительно:

– Но у них там строго! За девушками отец да мать в оба смотрят, за женами – мужья. С наррабаночками не пошутишь. Если какую красотку всего-навсего по заднице шлепнешь – тебя или кастрируют, или женят…

– Ну, – рассудила Аранша, – руки ты всю жизнь распускаешь… женат никогда не был, сам ведь хвастался… Стало быть, спать с тобой в одном трюме вполне безопасно!

До Айфера не сразу дошел возмутительный смысл, заключенный в словах наемницы. Он долго обдумывал сказанное, сосредоточенно пыхтел… а потом тишину разорвал гневный вопль:

– Че-е-его-о?!

Ответом было сонное посапывание двух девичьих носиков – посапывание слишком уж ровное и безмятежное…

3

Дорога скатывалась с высокого холма, мелькала среди густой травы, на бегу ластилась к корням деревьев. Деревья не обращали на дорогу ни малейшего внимания. Они ежились под резкими порывами ветра, доносящего издали слабый запах моря, и печально тянули вслед уходящим лучам солнца свои ветви, в листве которых сквозила красно-золотая «седина».

Опадающие листья летели на дорогу, под копыта замызганной клячонке, которую безуспешно понукал одинокий всадник – высокий безбородый старик с узким длинным лицом и смуглой, как у наррабанца, кожей.

Усталая чалая кобыла шла все медленнее, время от времени спотыкаясь. Всадник, застигнутый в пути сумерками, бросал по сторонам тревожные взгляды, выбирая, где бы остановиться на ночлег.

Но остановиться пришлось раньше, чем он ожидал.

На протянувшейся над дорогой ветви дуба возник странный «плод» – долговязая фигура в лохмотьях. Свесившись на руках, человек легко спрыгнул в траву, тут же поднялся во весь свой немалый рост и шагнул на дорогу, преградив путь всаднику.

Запаленная кляча с облегчением остановилась, расставив ноги и опустив голову, и всерьез призадумалась: околеть ей

прямо сейчас или подождать немного? Верзиле, ухватившему ее под уздцы, она уделила не больше внимания, чем нищий – жрецу, рассуждающему о добродетели воздержания.

– Слезай, старик, – решительно сказал бродяга. – Ты поездил, теперь моя очередь. Седельные сумки не отстегивай, они мне пригодятся.

Бывший владелец лошади неуклюже сполз с седла. Бродяга на миг вгляделся в лицо путника, пытаясь что-то припомнить, поймать ускользающий образ… но тут же презрительно тряхнул головой и перенес свое внимание на лошадь, которая, увы, составляла достойную пару своему дряхлому хозяину.

– Ну и кляча! – с омерзением произнес бродяга. – Ну и волчий корм! Ты, старик, наверное, ждал, что тебя ограбят, раз пустился в путь на этой дохлятине!

Отвернувшись от своей беспомощной жертвы, грабитель хотел было вскочить в седло.

– Постой, добрый человек! – послышался за его спиной слабый, дребезжащий голос. – Во имя Безликих… Я… у меня сердце… Позволь глотнуть вина, иначе не добреду… Я старый… больной…

Пронзительно-желтые глаза грабителя со снисходительным презрением смерили путника с головы до ног.

– И впрямь вот-вот помрешь! Ладно, глотни винца, если у тебя есть. Заодно и я выпью – за то, чтобы твоя кляча не околела хоть до первого поворота.

Трясущимися руками старик развязал седельную сумку, достал глиняную фляжку. Грабитель нетерпеливо шагнул вперед. Но тут взгляд старика стал жестким, рука взметнулась – и резкая, едко пахнущая жидкость выплеснулась в лицо разбойнику.

Пошатнувшись, грабитель упал над колени. Он чувствовал себя так, словно получил сильный удар по затылку: мысли были смяты и спутаны. Глаза слезились, кожу жгло, но ужаснее всего было ощущение, словно кто-то воткнул ему через ноздри в мозг две длинные иглы. Жадно хватая воздух ртом и мыча, он походил на немого, который спьяну пытается произнести застольную речь.

В его локоть вцепилась крепкая рука.

– Ну, вставай, я помогу… Рядом ручей есть, я знаю, я здесь бывал… Иди за мной… вот так, так…

Ничего не соображающий и ничего не видящий от боли грабитель покорно пошел за своим поводырем. Под ногами хрустели сучья, разбойник дважды чуть не упал, но заботливые и неожиданно сильные руки поддержали его.

Послушно, как кукла, разбойник дал поставить себя на колени. Крепкая ладонь пригнула его голову – и восхитительно холодная вода коснулась обожженного лица.

– Промывай глаза, только не три! – командовал красивый бархатный голос, ничем не напоминавший недавнее старческое дребезжание. – Ничего, не помрешь, это не яд, всего-навсего уксус, только крепкий…

Боль не прошла, но ослабла, ее уже можно было терпеть. Мысли пришли в порядок, и грабитель сообразил, что именно произошло с ним по воле Хозяйки Зла. Угрожающим движением он поднялся на ноги.

– Не вздумай дурить! – поспешно предупредил его старик. – У меня таких подарочков много… этот еще самый безобидный…

– Плевать мне на твои подарочки, – прохрипел грабитель, – мне нужна лошадь! Я спешу!

– Некуда тебе спешить, ты уже опоздал. До Аршмира только к полудню доберешься, а корабль, что увозит твоего врага в Наррабан, отчаливает на рассвете.

Звериный рык вырвался из обожженного горла. Разбойник устремил на загадочного путника свирепый взгляд покрасневших, воспаленных глаз.

– Ты знаешь, куда я тороплюсь? Может, даже знаешь, кто я такой?

– Сейчас ты этого и сам не знаешь. А прежде был Соколом по имени Ралидж Разящий Взор.

Крепкие руки сгребли старика за куртку на груди, приподняли в воздух.

– Ты, старый гриб… что ты можешь об этом знать? Мы встречались?

– Конечно, встречались, – кротко отозвалась жертва, болтающая ногами в воздухе. – Поставь меня на землю, так нам удобнее будет разговаривать.

– Задавлю!.. Отвечай!..

– Мы встречались в очень высоком обществе – в свите короля Нуртора.

Разбойник поставил путника на ноги и испытующе вгляделся в него. Темная кожа делала старика почти неузнаваемым, но это узкое лицо… острый нос… проницательные темные глаза…

– Айрунги? Колдун? А где твоя борода?

– Осталась там же, где и твое имя: в Ваасмире.

– И смуглым таким ты не был…

– Если тебя ищут сразу два короля, лучше поменять внешность.

– Значит, ты расстался с Нуртором?

– А ты ожидал, что он осыплет меня золотом и назначит своим дарнигаром? В том, что война проиграна, виноват либо король, либо я. Угадай, на кого из нас двоих Нуртор свалит ответственность – а, Сокол?

– Не называй меня Соколом! – помрачнел бродяга. – Для тебя и всех прочих я – Раш!

– Костер, да? – восхитился Айрунги. – Ой, какое хорошее прозвище… кстати, ты мне напомнил – надо бы костерок разложить, завечерело уже…

– Дело говори! – рявкнул Раш. – Откуда знаешь, что я спешу? И почему думаешь, что я опоздал?

– Но это же понятно любому муравью в муравейнике! – всплеснул руками Айрунги. – Ты ведь гонишься за новым

Соколом, занявшим твое место в Ветви, так?

Бродяга угрюмо промолчал.

– Значит, мы охотимся на одну и ту же дичь. Но ты наверняка мечтаешь о кровавой расправе, а для меня куда интереснее цель поездки молодого господина… Нет, у меня тоже счетец к этому мерзавцу, я охотно устрою ему что-нибудь яркое, незабываемое… но сначала хочу узнать, с чего это он так торопится в Наррабан, да еще в компании сестры короля…

Бродяга шарахнулся в сторону, как жеребец, у которого перед мордой взмахнули факелом.

– Сестра короля? Нурайна? Я узнал ее, а потом решил, что ошибся. Но куда, почему?..

– Вот и мне любопытно – куда и почему… И кое-какие соображения на этот счет у меня имеются. Мне удалось подслушать их разговор во время пожара на постоялом дворе… в местечке под названием Заячья Падь…

– А хорошо горело, правда? – гордо ухмыльнулся Раш.

– Так это ты расстарался?

– Я, – не стал скромничать бродяга. – С трудом настиг негодяя и подпалил постоялый двор. Как раз хотел поджечь и крышу, чтоб провалилась внутрь и прихлопнула всех, кто там был. Но тут в окне показалась Нурайна. Я узнал ее, опешил… Понимаешь, она меня когда-то обучала карраджу… Словом, когда я опомнился, было поздно: все успели выскочить из горящего дома.

– Ну, спасибо тебе! Я ведь тоже там был! А наш общий друг тогда шуточки шутил: мол, это у него уже второй погребальный костер… будем, мол, надеяться, что третий будет не скоро, а то это уже в привычку стало входить…

Ответом старику было тихое, горловое, звериное рычание.

– Впрочем, дело обернулось неплохо. Они с Нурайной потеряли осторожность и обменялись очень интересными фразами. Настолько интересными, что я решил идти за этой парочкой хоть до края Бездны… не за край, разумеется, но до края – пожалуйста!

– А я – и за край, если надо, – глухо и страстно проговорил Раш. – Я украл двух лошадей и загнал их насмерть, одну за другой, себя загоню насмерть, но настигну, достану…

Раш оборвал фразу. Взгляд его стал холодным и подозрительным.

– Но ты же едешь из Аршмира, а не в Аршмир!

– Я делаю самое умное, что только можно сделать… не теряю голову от жажды мести, как некоторые мои знакомые, не буду называть их по прозвищам… Вот соберу костерок – и все тебе спокойно объясню.

Раш нагнулся над ручьем, бросая в лицо пригоршни холодной воды. Когда боль улеглась, он обнаружил, что шустрый старик успел не только привести на прибрежную полянку свою клячу, но и сложить небольшую аккуратную кучку хвороста. Сейчас Айрунги рылся в седельной сумке.

– Погоди, я куда-то задевал огниво…

– Не нужно, – усмехнулся Раш и сосредоточил взгляд на собранном хворосте. Тот занялся сразу, жарко, зло и весело.

– У меня с каждым разом получается все лучше и лучше, – удовлетворенно бормотнул Раш.

Айрунги чуть помолчал, а потом сказал приветливо и легко:

– Прощальный подарок Клана Сокола, да? Так сказать, на память? Если бы ты научился этому раньше, никакой Даугур не посмел бы изгнать тебя из Клана… Подожди, я наберу воды, у меня с собой котелок…

Очутившись у воды, за кустами, где его не видели угрюмые глаза Раша, Айрунги уронил котелок на песок, рухнул на колени и молча воздел к небесам острые коричневые кулаки. Зависть буквально душила его, мешала дышать. Грязное ничтожество, предавшее свою страну и свой Клан, обладает магическим Даром! А он, Айрунги… О, если бы боги милосердно отняли память, проклятую память о коротких днях могущества, когда в его руках была магия! Да, он совершил тогда много такого, о чем больно и стыдно думать. Но сила!.. Но власть!.. За такое не жаль отдать и эту, и все будущие жизни!..

Впрочем, Айрунги быстро взял себя в руки. Вернувшись к костру с полным котелком воды, он небрежно сказал:

– Не очень хвастайся своим новым умением, люди не любят Ночных Магов. Кому это и знать, как не мне…

– Говори о самозванце! – рявкнул Раш.

Айрунги аккуратно расстелил у костра свой потрепанный плащ, уселся на него и лишь тогда заговорил:

– На рассвете отчаливает «Золотая креветка». Она идет в Наррабан, в порт Горга-до. Других кораблей не будет до весны… Не делай такое лицо, я ведь испугаться могу!.. Пожалуй, надо тебе помочь. Говорят, ты хорошо знаешь карраджу, а мне не помешает охрана. К тому же ты немножко магией владеешь… не так, как я, конечно, но все-таки… Короче, поступай ко мне на службу! Нам по дороге!

– Хорошо, – после короткого раздумья отозвался Раш. – Но только до тех пор, пока нам и впрямь по дороге… Ну, что прикажешь делать, хозяин?

В последнем слове прозвучала злая ирония, но Айрунги предпочел ее не заметить.

– Сейчас перекусим… кстати, про жалованье забудь, но кормежка – моя. Утром двинемся вдоль побережья и придем в деревушку, что называется Хвост Сардинки. Деревушка вроде бы рыбачья, а на деле – настоящий порт для пиратов и контрабандистов. Старейшина деревни кое-чем мне обязан. У нас будет корабль! Контрабандисты не боятся штормов, их скорлупки не плывут, а порхают по волнам! Когда «Золотая креветка» приползет в Горга-до, мы ее встретим на пристани… А сейчас расстегни-ка седельную сумку. Там кусок окорока, хлеб и фляжка с вином. Ну, что ты дергаешься? Настоящее вино, не уксус…

4

Никогда в жизни Джанхашар не был в такой растерянности. Начальник аршмирской стражи видал всякое: убийства, ограбления, похищения горожан разного возраста и пола, поджоги, драки, захватывающие порой полгорода… ну, про кражи и мошенничества и упоминать не стоит, это так, будничная рутина.

А какие истории придумывали в свое оправдание преступники! Какие кружева языками выплетали! Главным слушателем этих хитрых баек был, конечно, городской судья, а на начальнике стражи эти россказни испытывались и проверялись: проглотит или выплюнет? Но «крабы» (как называют в Аршмире стражников) – народ бывалый. Не так-то просто всучить «крабу» небылицу. Джанхашару вранье хоть медом намажь – глотать не станет.

Но как ему быть сейчас?

Стоит перед ним хорошо одетый молодой человек с гневными карими глазами и рассказывает такое, что у начальника стражи не то что волосы – уши дыбом встают!

Видите ли, Клан Сокола усыновил безродного актеришку за свершенные им великие подвиги. Оказывается, парень заслужил такую неслыханную честь тем, что остановил войну, вывернул наизнанку Подгорный Мир, лично разделался с могущественным Ночным Магом, уничтожив его вол-

шебный талисман… ну, еще по мелочи – истребил несколько десятков Подгорных Людоедов, зарубил Жабью Подушку и еще кого-то, сразу не вспомнишь… Все сказанное мог бы подтвердить пергаментом с королевской подписью, но пергамент сгорел во время пожара на постоялом дворе в деревне Заячья Падь.

Бред безумца? Но на парне плащ с вышитым соколом, дорогие сапоги, серебряный пояс… меч, правда, в простых ножнах, обычный мечишко, стражники сняли его с пленника, пока тот еще в чувство не пришел…

Наглая, кощунственная ложь? Но какому самозванцу придет в голову заявиться в края, где его хорошо знают, а главное – лгать так неправдоподобно? Неужели нельзя было сочинить что-нибудь менее нелепое? Например, что он – Сын Клана, который из прихоти или на спор жил в Аршмире под видом простого актера… Звучит глупо, но такая байка хотя бы старается быть похожей на правду! А чудовищные слова, только что прозвучавшие в этой комнате… Похоже было, что рассказчику плевать, поверят или не поверят ему жалкие аршмирские «крабы».

С холодком в груди Джанхашар понял: такая дикая ложь может оказаться чистейшей истиной! Задавив в сердце страх, начальник стражи процедил:

– Как же случилось, что до нашего города не докатилась весть о славных подвигах великого героя? За что нас так Безымянные обидели?

– Это ненадолго, – утешил его пленник. – Просто из Ваасмира к вашему Хранителю еще не прибыл гонец. Но я не могу дожидаться его приезда! Не для того я гнал всю дорогу, словно опаздывал к дележу наследства! У меня на рассвете корабль отчаливает!

– Знаю. «Золотая креветка». Лучше тебе об этом судне забыть. Никуда ты не исчезнешь, пока с тобой не разберутся.

Сквозь звонкую ярость, вихрем охватившую душу, до Орешка начал доходить весь ужас происходящего. Вей-о! Справиться с Подгорными Людоедами, с колдуном, с королем Нуртором – и нарваться на паршивых «крабов»!.. В Аршмире про стражников правильно говорят: «Крабы медленно ползают, зато могут больно цапнуть!»

– Но я тороплюсь по важному государственному делу! Это приказ короля!

– Да? И какое именно государственное дело столь спешно гонит в путь высокородного господина?

– А… я не могу сказать, это королевская тайна.

– Ах да, конечно, конечно! Разумеется, есть свидетели, которые согласятся подтвердить эту простенькую, правдоподобную историю?

Орешек открыл было рот, чтобы сослаться на Нурайну, но тут же понял, что королевская сестра выгораживать его не станет. Она так рвалась на подвиг в одиночку! А даже если подтвердит – поверят ли ей? К тому же она боится упустить последнюю возможность добраться до Наррабана. Так

что вполне можно понять, почему она не спешит на выручку…

«И все равно – змея!» – нелогично подумал Орешек.

Ну и влип же он! Может быть, из передряги его выручит старый боевой друг – Великое Нахальство?

Орешек опустился на скамью, небрежно вытянул перед собой ноги (что считалось весьма наглым жестом, выражающим презрение к собеседнику).

– И за каким болотным демоном я тут застрял? – пожаловался он куда-то в пространство между подсвечником и стеклянной наррабанской вазой. – Если я Сын Клана, допрашивать меня может лишь Хранитель города. Если я подлый самозванец – опять-таки дело подсудно Хранителю. А ну, быстро – проводить меня к высокородному Ульфаншу! Сокол желает говорить со Спрутом, а не с погаными «крабами»!

Такое поведение крепко озадачило стражников и смутило их командира.

Хранитель! Да он и сам охотно отослал бы пленника к Хранителю, спихнув с себя ответственность!

Увы, весь Аршмир знал, что роскошная танцовщица по прозвищу Розовый Лепесток именно сегодня вняла уговорам Хранителя и согласилась взглянуть на две редкие и очень ценные картины времен короля Джайката, что хранились в загородном доме Спрута. Ульфанш давно горел желанием приобщить красавицу к высокому искусству. Можно

только догадываться, что сделает он с человеком, который посмеет испортить ему вечер, наполненный беседами о живописи…

– Высокородный Ульфанш в отъезде, – сухо сообщил начальник стражи. – Будет завтра к полудню… – Джанхашар вспомнил тяжелые бедра и пышную грудь танцовщицы и поправился: – Нет, позже… пожалуй, к вечеру.

Сокол состроил капризную гримасу:

– Тогда почему я не в тюрьме? Почему торчу в этой убогой трапезной, среди гнусной мебели, которую мне так хочется переломать?

– Эй! – встревожился Джанхашар. – Не забывай, что вокруг стражники с арбалетами!

– Вот арбалетами меня пугать не надо, – небрежно отозвался Орешек. – Это лишнее. И так трясусь от страха при взгляде на такого грозного великана, как ты…

Стражники дружно сделали вид, что ничего не слышали, а у их командира яростно встали торчком усы.

А Орешек и в самом деле не очень опасался арбалетов. Можно было рискнуть – расшвырять «крабов», добраться до Сайминги, которую этот дурак небрежно повесил на стену…

Но «крабы» будут драться всерьез. Значит, ему тоже придется драться всерьез. Убивать… Но ведь он больше не разбойник! Если он прикончит хоть одного стражника… Вей-о-о!

Король, ясное дело, разгневается. Но главное – как об

этом расскажут Даугуру! Мол, бродяга, которого он подобрал у подножия эшафота и ввел в Клан, так и остался разбойничьей мордой и душегубом. Бесчинствовал в Аршмире, зверски расправляясь с теми, кто пытался его унять…

Ни за что! Как бы ни завертела события Серая Старуха – надо обойтись без жертв!

Орешек сделал еще одну попытку:

– Разговаривать нам больше не о чем. Можете вести меня в тюрьму. В подземелье! На одну цепь с ворами и убийцами! А завтра, когда высокородный Ульфанш уладит недоразумение, мой Клан начнет разбираться с тобой, почтеннейший! За все сразу! Скучно тебе не будет!

Маленький командир стражников оскалился, как Подгорный Людоед:

– Что ты, высокородный господин, как это можно: Сокола – и в тюрьму?! Сын Клана окажет мне честь, проведя ночь под моим скромным кровом. А для большего почета я под дверью стражу поставлю, чтоб никто не потревожил сон знатного гостя. А что на окне решетка – так это от воров! Аршмир – город неспокойный, здесь всякой дряни хватает. Ты не поверишь, господин: порой даже самозванцы попадаются!..

* * *

Чем обычная комната отличается от тюремной камеры?

Пра-авильно: тем, с какой стороны повернулся в замочной скважине ключ! Все остальное – несущественные мелочи!

Орешек кружил по небольшой уютной комнатке, как волк по клетке. На окне – решетка, как и обещал этот злобный таракан, здешний хозяин. Да еще какая решетка! С виду легкая, ажурная, а попробуй выломать… ну, спасибо кузнецу, чтоб его перевернуло и подбросило!

И с ужином все планы сорвались! А так хорошо было задумано: входит «краб» с едой, получает по башке умывальным тазиком, дверь остается открытой – армия, вперед!.. Так нет же! Ужин принесли двое: один с миской, второй с арбалетом. Причем второй в комнату не вошел, на пороге остался. И арбалет держал грамотно, под стрелу не нырнешь.

До утра дверь уже не откроется. А на рассвете отплывает «Золотая креветка», увозя на борту красивую гадину Нурайну.

Нет, он обязан вырваться на свободу! Может быть, использовать темный подарок Аунка? Произнести бессмысленную, но такую волшебную фразу, что даст ему нечеловеческую силу? Как там? «Темная коряга шарит в ядовитой трясине»… Тогда он эту жалкую дверь пинком выставит!..

От этой мысли перехватило дыхание. Орешек присел на кровать. Отвратительное воспоминание положило ему руки на плечи, заглянуло в глаза своими мертвыми очами… Нет! Он больше не сможет!..

Разум поспешно подыскивал один довод за другим, что-

бы отказаться от этой затеи. Да, он выбьет дверь, но тогда «краба», что караулит в коридоре, можно смело числить в покойниках. Да и всех, кто встретится на лестнице… А ведь он решил: никаких убийств! К тому же злые чары отпустят его на улице, где-нибудь неподалеку от этого проклятого дома, и погоня возьмет его тепленьким, тихим и послушным…

Орешек с облегчением вздохнул и еще раз огляделся: что же здесь можно использовать для побега? Кровать. Умывальный таз на треножнике. Глиняный кувшин с водой. На полу – ковер из заячьих шкурок. На стене – еще одна шкура… ну, это что-то особенное! Великолепный черный медведь с оскаленной пастью. Наверное, маленький начальник стражи любит показать себя бесстрашным охотником. Ладно, что еще? Пустой сундук, два светильника, резная полочка, зеркальце… и все!

Может, подпалить дверь?.. Ну ладно, ладно, глупость может прийти в голову кому угодно. Ясно, что на пожар сбегутся все, кто есть в доме.

Вей-о! Кто-то уже сюда топает!.. А-а, это краб пришел менять того бедолагу у двери. Похоже, на эту ночь в доме разместился чуть ли не весь гарнизон аршмирской стражи. В честь высокого гостя.

Орешек прильнул к замочной скважине. Слышно было каждое слово.

– …третий звон уже. Я до утра покараулю.

– Смотри не засни. Если самозванец удерет, командир из

нас муки намелет и тесто замесит!

– Да разве заснешь, когда такая луна! Глянь, как в окно хлещет, прямо речка светлая… Моя бабка сказала бы: ночь Эсталины-страдалицы…

– Не, я как завалюсь, так и засну… Если этот гад начнет орать, чтоб ты дверь открыл… ну, мало ли что выдумает… так нипочем не открывай, сразу нас зови.

– Да понял я, понял, иди…

Пленник с глухой злобой прислушивался к удаляющимся шагам. Но почти сразу злость угасла. Вскользь брошенные стражником слова про ночь Эсталины-страдалицы вызвали из прошлого вереницу воспоминаний: Орешек когда-то играл в пьесе, которая называлась «Верность Эсталины».

А ведь трагические события, о которых говорится в пьесе, произошли именно здесь! Да-да, в те незапамятные времена рыбачий городок Аршмир находился севернее, там, где сейчас Старый порт… а здесь – может быть, на этом самом месте! – стоял злосчастный Замок Цветущей Жимолости…

Как странно! Легенда не сохранила имени властителя, который, спасаясь от королевского гнева, зарыл в окрестностях замка сундук с сокровищами. Но осталась в памяти людской простая служанка Эсталина, которую господин посвятил в свою тайну. Девушка поклялась, что укажет место, где спрятан клад, лишь верным слугам, которых хозяин пришлет за золотом: двум братьям Задирам. Легенда гласит, что парни сами забыли свои настоящие имена, да и все вокруг называ-

ли их только так: Старший Задира и Младший Задира…

И девушка сдержала слово. Преданная подлой замковой прислугой, истерзанная королевскими палачами, Эсталина до последнего вздоха повторяла одно, она не может нарушить клятву! Так и не нарушила – умерла под пыткой…

Хотя потрясенный ее мужеством король приказал с почетом сжечь тело благородной служанки, душа ее не смогла найти путь в Бездну: ведь приказ хозяина не был исполнен! Лунными ночами призрак Эсталины на краткий срок возникает на улицах Аршмира и заговаривает со случайными прохожими: ищет братьев Задир, чтобы отдать им золото. Бывало, путник, не потерявший от страха голову, нахально заявлял, что он и есть один из братьев Задир. Тогда тень Эсталины кротко интересовалась: где же второй брат? Не дождавшись связного, разумного ответа, она тихо исчезала…

Пьеса о стойкой служанке пользовалась в Аршмире бешеным успехом, сборы были великолепные.

А кого играл Орешек? Злого короля? Изгнанника-властителя? Палача?

Нет и еще раз нет! Он блистал в роли Эсталины-страдалицы!

Собственно, он должен был играть одного из слуг – маленькая такая ролька без единого слова. Но перед началом представления актриса, назначенная на главную роль, сцепилась со своей товаркой, игравшей подлую предательницу. Кажется, поводом для драки была благосклонность великого

Раушарни, которую они почему-то не захотели делить… Так или иначе, когда этих дур растащили, обе годились лишь на то, чтобы изображать Эсталину после пытки. Никакой грим не мог скрыть следов недавней битвы.

Положение усугублялось тем, что весь прочий женский состав на премьеру дружно не явился – в знак презрения к пьесе, в которой были лишь две женские роли.

Раушарни коротко и выразительно объяснил идиоткам, кто они такие, по какому недоразумению появились на свет и какой смертью рано или поздно издохнут. Затем обвел взглядом труппу в поисках молодого лица, безусого и безбородого. Нашел – и кивнул в сторону Орешка: «А ну, переодеть его в женское платье! И парик, парик! Вот она, наша Эсталина!»

Парень пытался протестовать, но его жалкое вяканье заглушили раскаты знаменитого баса Раушарни: «Спер-рва убью, потом уво-олю!!!»

Орешек заткнулся и сыграл! Еще как сыграл! Легкая поступь, скупые, но выразительные жесты, а главное – голос, низкий и глубокий, но очень женственный.

А как великолепен он был в сцене пытки! Вопли прикрученной к скамье Эсталины заставляли зрителей вздрагивать и покрываться холодным потом.

Правда, никто не знал причины столь блистательной игры. А источником вдохновения послужил главный палач, которого играл старый недруг Орешка. Незадолго до этого Орешек увел у него симпатичную девчонку, а потом еще и в

«радугу» дотла обыграл. Заполучив своего врага связанным и беспомощным, мерзавец-палач перестарался. Провел роль слишком убедительно и правдоподобно. Еще немного – и Орешек сообщил бы потрясенной публике, где зарыт этот проклятый сундук с сокровищами!

Когда занавес опустился, палач попытался скрыться, но Орешек, даже не сняв женского платья, догнал негодяя за кулисами и отметелил так, что на следующем представлении Эсталину пытал уже другой актер…

Орешек грустно улыбнулся воспоминанию. Может, стражник, что торчит в коридоре, видел его в этой роли? Не заговорить ли с «крабом»? Может, удастся под каким-нибудь предлогом убедить его открыть дверь? Нет, это вряд ли… А если… Вей-о-о! А ведь актер Орешек сумеет выкрутиться там, где пропал бы Сын Клана Сокола!

Эй, бессонные боги! Протрите свои усталые глаза, взгляните на ночной Аршмир! Сейчас здесь опять будет сыграна пьеса об Эсталине – но на этот раз не трагедия, а комедия!

* * *

Стражник таращился на дверь. Сна не было ни в одном глазу. Да и как уснешь, когда вокруг творятся небывалые дела, когда за порогом не обычный вор или убийца, а преступник, каких еще не видел Аршмир! В такую ночь что-то обязательно должно случиться. Боги испепелят грешника… или

Хозяйка Зла сама навестит святотатца, пройдя сквозь стену в запертую комнату…

Словно отвечая мыслям часового, из-за двери донесся вскрик. Негромкий, какой-то придушенный, полный ужаса.

Стражник бросился к двери, припал к замочной скважине, но ничего не смог разглядеть. А узник бессвязно забормотал:

– Ты… Кто ты… Как вошла сюда?.. А-а-а!.. Да хранят меня Безликие! Ты Хозяйка Зла, да? Убирайся! Прочь!

Растерянность стражника перешла в смятение, когда лихорадочное причитание смолкло и на смену ему возник – из ночи, из Бездны, ниоткуда – низкий, очень печальный женский голос, полный тайны и безнадежности:

– Не бойся, добрый человек, я не Многоликая… я всего лишь бедная девушка, которая не сумела исполнить приказ своего господина.

– А… да… – чуть приободрился узник. – Ты служишь здесь? А как ты сюда вошла?

– По лунному лучу, – сказала незримая женщина так спокойно и просто, что у стражника волосы зашевелились на голове от страха и восторга. – Когда луч дойдет до той стены, я исчезну. Имя мне – Эсталина Жемчужный Цветок. Скажи, не ты ли один из тех, кого называют братьями Задирами?

«Скажи „да“, болван, скажи „да“, не тяни!» – мысленно молил узника часовой, начисто забывший, зачем он поставлен в этом коридоре.

– Я… да-да! – наконец выдавил из себя дурак-узник. Тут голос его окреп, самозванец продолжил нагло и напористо: – О прекрасная Эсталина, я и есть один из братьев Задир… э-э… старший!

– О-о! – вплелся в ночь тихий вздох, в котором были и недоверие, и надежда, и мольба. – Сколько лет… где же были вы с братом, почему не приходили?

– Да… это… все дела, ясная госпожа, все заботы, вздохнуть некогда!

– А где твой младший брат? – В голосе осталось лишь недоверие.

– У него… ну… свидание у него! Сама понимаешь, госпожа, его дело молодое… такая рыженькая…

«Что он несет, что несет?!» – беззвучно шептал стражник, готовый своими руками задавить дурня, которому выпало такое потрясающее счастье. Там, за дверью, оживала сказка. Где-то неподалеку сквозь пласты земли и крышку сундука лучилось золото, призывно полыхали драгоценные камни…

– Приведи ко мне своего брата, – сказал призрак голосом холодным, как звездный свет. – Приведи – и я открою тайну сокровищ… Впрочем, ты уже не успеешь, твое время уходит, как вода в отлив. Прощай!

– Не уходи, госпожа! – взвыл часовой, громыхая ключом в замочной скважине. – Я сейчас!.. Я уже!.. Вот он я… младший брат…

Дверь распахнулась – и стражник растянулся на пороге,

звонко и полновесно получив по голове умывальным тазиком.

Отбросив свое грозное оружие, Орешек склонился над часовым.

– Ничего, у «крабов» головы дубовые. Лежи, братец, отдыхай. Надо же! Всю жизнь мечтал разыскать родню, а нашел – и уже пора расставаться!

Черная пасть медведя мрачно скалилась на беспокойного гостя. Орешек окинул шкуру взором художника и одним махом сорвал ее со стены. Задув светильник, недавний узник щедро полил медвежью морду маслом, затем огнем второго светильника поджег промасленную шерсть, поднял импровизированный факел как можно выше над головой и шагнул через порог…

Почтенный Джанхашар стал первой жертвой огнедышащего медведя-оборотня. Начальник стражи шел наверх – проверить, не заснул ли часовой. Увидев гигантское чудовище, скачками надвигающееся из коридора и рассыпающее вокруг себя искры, Джанхашар попятился, оступился на лестнице, кубарем покатился по ступенькам, крепко врезался в пол затылком и временно утратил интерес к происходящему.

Более связно описал события садовник, которого, как выяснилось, служанка тайком пригласила в пустую и темную трапезную. По его словам, медведь распахнул дверь, полыхнул пламенем из пасти, захохотал по-человечьи, сорвал со

стены меч в кожаных ножнах – и был таков…

Служанка при появлении чудовища упала в обморок не хуже любой знатной барышни. (Позже, будучи приведена в чувство, она сообщила, что медведь не только похитил меч со стены, но прихватил также из стенного шкафа четыре новые льняные скатерти, стеклянную наррабанскую вазу и серебряное блюдо…)

Дом пробудился, поднялась суматоха: топот, крики, грохот бьющейся посуды… Навстречу Орешку вылетели трое ошалевших, ничего не соображающих стражников. Похоже, командир и впрямь поосторожничал и набил дом охраной.

Сокол помнил, что убивать никого нельзя, даже не пытался извлечь Саймингу из ножен. Но стражникам не пришлось этому радоваться, потому что в Орешке проснулся портовый грузчик, который терпеть не может «крабов» и всегда готов отвозить их мордами по земле или пошвырять с набережной в воду.

То, что происходило дальше, отнюдь не походило на благородное искусство карраджу.

Первый «краб», подвернувшийся Орешку под руку, был без оружия – выбежал, дурак, второпях на шум. Разговор с ним прост и короток: ногой в пах, а затем, согнувшемуся, рукоятью меча по голове. И тут же, с ходу, развернувшись, локтем под дых второму, который хоть и прискакал с мечом, но растерялся при виде медведя с огненной пастью. Так, этот тоже согнулся, ему – коленом в морду… Путь свободен? Как

бы не так! Третий стражник уже вздымает над неведомым врагом меч! Остановим удар Саймингой… эх, пропали ножны… возникнем вплотную к перекошенной роже «краба» – и лбом ему в переносицу! Вот уж этому приему Аунк точно не обучал! «Краб» выронил меч, схватился за разбитый в кровь нос… Пусть скажет спасибо, что Орешек его не двинул медвежьей мордой, которая еще не совсем погасла…

За порогом, во дворе, в дело вмешались еще двое «крабов» – да сколько ж их тут?! Стражники доблестно погнались за чудищем и настигли медведя в тот момент, когда он карабкался на забор. Орешек не стал тратить времени на драку – попросту скинул на преследователей шкуру с обгоревшей пастью. Тяжелая шкура рухнула на головы ретивым «крабам». От неожиданности те повалились на землю и, накрытые пыльным мехом, молча вцепились друг в друга. Каждый пребывал в святой уверенности, что поймал оборотня.

Орешек легко спрыгнул на улицу с той стороны забора и глянул в щель на барахтающуюся лохматую кучу.

– Бросьте это дело, ребята, – весело посоветовал он. – А то как бы Клан Медведя не прицепился к нам за то, что мы носим его знаки!

Затем Орешек посерьезнел, глубоко вдохнул, выдохнул, поудобнее взял Саймингу и пустился бежать по направлению к Новому порту. Он бежал, как на тренировке с Аунком: размеренно, ровно и легко, словно плыл в потоке лунного света. И сама Тысячеликая не спасла бы того грабителя, который

рискнул бы прервать этот бег!

* * *

Нурайну разбудил солнечный луч, щекотавший ей глаза и нос. Луч падал из квадратного отверстия под дощатым потолком. Женщина улыбнулась, вынырнула из-под потертого одеяла из заячьих шкурок и быстро начала одеваться. Королевская дочь вполне умела обходиться без прислуги.

Узкая деревянная кровать мерно покачивалась. Это не мешало, к этому вполне можно было привыкнуть, и вообще в такое чудесное утро ничто не могло испортить Нурайне настроения. Она плыла в далекую страну. На том конце пути ее ждал славный, милый старик, с которым у Нурайны были связаны чудесные воспоминания. А главное – она путешествовала одна! Ее назойливый, вульгарный, болтливый спутник с позором провалил королевское задание и отстал от корабля. И поделом ему! Как могли король и Даугур назвать Соколом жалкого раба, актеришку, разбойника… кем он там еще был – грузчиком, кажется? Так каждый булыжник захочет стать алмазом!

Усилием воли Нурайна вернула себе радостное настроение, распахнула низкую дубовую дверь и шагнула на палубу – в яркий свет, в запах моря, в крик чаек!..

И тут мир померк в глазах, стал серым и блеклым, потому что взгляд наткнулся на растрепанную ветром копну каштa-

новых волос и широкую белозубую улыбку.

– Проснулась, ясная госпожа? А я спать иду. Ночь была бессонная. Я тут встретил знакомых стражников. Ух, они и удивились, когда узнали, как я высоко залетел! Всю ночь мы проболтали, они прямо отпускать меня не хотели, чуть к отплытию не опоздал… Нет, подожду ложиться, расскажу, как с ними познакомился, это недолго, как раз до завтрака успею… Так вот, сидим мы как-то втроем в задней комнате трактира «Бородатый кашалот» – я, известный мошенник Вертун и один наемник из Наррабана, как звали – не помню. Он как раз жалованье получил, так мы с Вертуном, ясное дело, сговорились его в «радугу» обставить. Тут врывается хозяин и верещит, будто на шило уселся: «Кра-абы ползут! Вон отсюда, слизь болотная! Да не через дверь, мерзавцы, через крышу! У меня приличное заведение, не хватало, чтоб тут самого Вертуна загребли! Ко мне ж тогда никто, кроме пьяной матросни, не сунется!» Наррабанец остался сидеть дурак дураком, так, наверно, его денежки страже и достались, а мы с Вертуном наверх дернули, мы знали, где на крыше доски разбираются, а внизу уже «крабы» сапожищами топочут, а я и говорю…

Не дослушав, Нурайна гордо выпрямилась, молча развернулась и ушла к себе в каюту. Орешек улыбнулся ей вслед счастливой улыбкой мальчишки, которому удалось сунуть за шиворот соседской девочке живую лягушку.

5

– …Столь же ужасный случай произошел в том же году, в пятый день месяца Верблюда, на караванной тропе между оазисами Харш и Тхарсу… Успеваешь записывать? Хорошо, продолжим… Отряд всадников напал на караван. Купцы без боя отдали свои товары и взмолились о пощаде. Но злодеи растянули пленников на земле, привязав за руки и ноги к кольям, вспороли им животы и, разведя костры, насыпали несчастным жертвам во внутренности горящие угли. При этом они взывали к Кхархи, приглашая его насладиться криками умирающих. Свидетелем тому был Рхати, доверенный слуга торговца Шахрат-дэра. Он остался в живых, спрятавшись в одном из больших тюков с товарами, а ночью улучил мгновение и скрылся… Записал?

– Да, господин. Но стоит ли тебе тратить свое бесценное время на сбор глупых слухов? Мало ли о чем болтают проезжие? Может, доверенный слуга Рхати сам порешил своих спутников? Разве не мог он отравить воду или еду, припрятать товары и сочинить сказочку про слуг Хмурого Бога?

Илларни задумчиво покачал головой:

– Возможно… Но ведь оно же существует, это подлое сообщество безумных убийц! Даже в Грайане проросли злые всходы из этих черных семян! Взять хотя бы Храмы Крови, где в древности люди поклонялись забытым ныне боже-

ствам. Придворные летописцы Авибрана Светлой Секиры согласны меж собой в том, что жертвоприношения, возобновившиеся было в заброшенных храмах, связаны с именем Хмурого! Авибран с трудом уничтожил гнезда кровавой ереси… впрочем, нет уверенности, что с ними покончено!

– Неужели мой господин собирается воевать с кхархи-гарр?

– Где уж мне, старику. Но обязательно найдутся другие, помоложе. Может быть, им пригодятся мои записи. Ведь знание – это тоже оружие.

Плотный коренастый человечек с навощенной дощечкой и острой палочкой в руках восхищенно распахнул голубые глаза:

– Есть ли на свете хоть что-нибудь, что неведомо тебе, господин? Как мне благодарить Безликих за то, что они позволили мне стать твоим скромным помощником?

На лице старого ученого мелькнуло раздражение. Чтобы скрыть его, Илларни отвернулся к маленькому оконцу.

За окном лежал голый, вытоптанный, выжженный солнцем двор. По нему уныло бродили три тощие длинноногие курицы да торчал на солнце мрачный коричневолицый человек в полинявшей холщовой одежде, босой, с белой повязкой на голове. Человек негромко напевал, мотив долетал в комнату – монотонный, тягучий, словно у поющего болели зубы.

– Хорошая страна Наррабан, – вздохнул Илларни. Нахох-

лившийся, обиженный, он походил на озябшего воробья. – Но почему мне выпало жить в самом унылом и скучном ее уголке?

– А с какой стати мой господин должен торчать здесь? – с готовностью откликнулся коренастый человечек. – Разве он не вспоминает каждый день, как перекликаются в морозном воздухе колокола Тайверана?

Старый ученый настороженно, недоверчиво подобрался. За долгую жизнь он встречался и с ложью, и с подлостью, и с предательством. И научился различать их кривые физиономии под самыми красивыми масками.

Кто он, этот Чинзур Луговой Кузнечик, что недавно вошел в жизнь Илларни – и тут же начал этой жизнью по-хозяйски распоряжаться?

В недобрый день появился в загородном поместье Таграх-дэра этот загадочный человек, речь которого состояла почти из одних вопросов.

Илларни был тогда серьезно болен. Прибывший из Горга-до лекарь заявил, что несчастного чужеземца уже опутал своими черными щупальцами неумолимый Гхурух, владыка подземного царства теней. Виной тому роковое стечение обстоятельств, а именно: прошедший недавно над побережьем ураган, нарушивший тонкий баланс четырех стихий; выпадение рокового Дня Огненного Моста на четвертый день этого месяца (а ведь число лет, прожитых чужеземцем, кончается на «четыре»!); тревожное поведение священных ворон

на крыше храма Двуглавого Тхайассата…

«…а также плохой урожай бобов в соседней деревне», – подсказал с постели Илларни, который при любом состоянии здоровья терпеть не мог шарлатанов.

Таграх-дэр, не отходивший от постели больного, молча вцепился в лекаря и тряс до тех пор, пока не вытряс из него страшную врачебную тайну: бедняга сам не понимает, чем болен его пациент и как такую болезнь лечить!

В этот страшный миг растерянности все охотно и с надеждой откликнулись на просьбу странника, что остановился на постоялом дворе неподалеку. Путник пришел в поместье и сказал, что услышал о больном грайанце – а сам он родом из Тайверана, так не станет ли больному легче от беседы с земляком?..

И в самом деле – Илларни, которого сводила в Бездну лютая тоска по родине, ожил на глазах, разговаривая с заезжим незнакомцем об узких улочках Тайверана; о кострах, пылающих по всему городу в самую долгую зимнюю ночь; о плюще, что густо оплел заборы; о дворце с двенадцатью изящными башенками.

Оказалось, что Чинзур, так чудесно излечивший старого ученого, приехал в Наррабан с хозяином-купцом. Но хозяин умер в Нарра-до от черной лихорадки. С тех пор Чинзур скитается из города в город, ища если не способ вернуться домой, то хотя бы возможность прокормиться.

Растроганный Илларни упросил Таграх-дэра оставить

грайанца в поместье. И поначалу все сложилось удачно. Чинзур оказался расторопным, старательным слугой, на лету ухватывал любое желание Илларни. Как почти все грайанцы, он был грамотен, поэтому Илларни поручал ему ведение записей (разумеется, это не относилось к тайной деятельности ученого, о которой знал лишь Таграх-дэр).

Все в поместье полюбили веселого, приветливого чужеземца. Чинзур обладал располагающей внешностью: круглолицый, ясноглазый, с доверчивым взглядом. Было в нем что-то мальчишеское – то ли смешно торчащие круглые уши, то ли удивленно распахнутые голубые глаза. Но больше всего подкупала его манера слушать – склонив голову набок, чуть подавшись вперед, словно открываясь навстречу каждому слову собеседника. Он радостно смеялся любой шутке, горестно вздыхал, слыша жалобы на жизнь. Привычка Чинзура говорить вопросами тоже придавала его собеседникам значительности и веса в их собственных глазах – ведь каждой фразой, даже самой незначительной, Чинзур интересовался их мнением, советовался с ними…

Старого Илларни такое поведение слуги заставило призадуматься. Бурно прожитая жизнь научила его многому. Например, тому, что яд очень удобно примешивать к меду. Когда схлынул наплыв чувств, вызванных встречей с земляком, Илларни пожалел о сентиментальном порыве, заставившем его подпустить чужого человека так близко к опасной тайне.

И действительно, не прошло и десяти дней, как Чинзур

умудрился забрести туда, куда слугам вход был заказан под страхом смерти: в приземистую круглую башенку, где Илларни устроил обсерваторию.

Надо признать, что слуга не пытался прикинуться идиотом, не понимающим тяжести своего проступка. Нет, он был раздавлен, потрясен. Еще бы: проникнуть в сокровенную тайну такого человека, как Таграх-дэр! Узнать, что Оплот Горга-до, один из влиятельнейших людей при дворе Светоча, укрывает у себя астролога и с его помощью читает запретную книгу небес!

Илларни смилостивился, не выдал слугу. Но с того дня Чинзур настойчиво уговаривал хозяина бежать.

– Неужели мой господин не видит опасности? Если тайна хоть краешком выползет на свет – разве Таграх-дэр не начнет заметать следы? Кого он тогда убьет первым, а?

Понимая, что Чинзур прав, Илларни тем не менее отвечал неопределенно и уклончиво: мол, поспешные решения – неверные решения; мол, Безымянные терпеливы, это Хозяйка Зла всегда торопится…

Слуга не унимался, рассказывал о знакомом контрабандисте, который может устроить им побег.

– Неужели я не помогу моему господину? Конечно, помогу!..

Илларни кротко кивал и думал: «М-да, такой поможет: и на костер уложит, и хвои натрясет, и огоньку поднесет».

Но сегодня кое-что изменилось…

Илларни отвернулся от окна и твердо встретил вопросительный взгляд Чинзура.

– Утром мне доставили письмо. Почтеннейший Таграх-дэр пишет, чтобы я готовился перебраться из поместья в город – там мне будет удобнее…

Голубые глаза Чинзура на миг жестко сузились – и тут же вновь распахнулись наивно и простодушно.

– Я пять лет прожил здесь, – ровно продолжал старик. – А теперь, значит, мне будет лучше в Горга-до?

– Стоит ли господину тревожиться? – успокоительно замахал руками Чинзур. – Если б что-то угрожало тайне, разве Оплот не примчался бы сюда раньше любого гонца? Разве стал бы он на сутки задерживаться? Да еще по такому глупому поводу… смех и сказать-то…

– А что за повод? – заинтересовался астролог. – И откуда, кстати, тебе об этом известно?

– От гонца, откуда же еще? Поболтали мы с ним, отчего ж не поболтать? Вот он и сказал, что хозяин совсем было в дорогу собрался, да из-за Косого Крейшо отъезд отложил.

– Из-за Косого Крейшо?

– Ну да. Мол, Крейшо должен был в тот день вернуться из поездки одной, да задержался, вот Оплот и остался на ночь в городе – стало быть, Косого дождаться и с собой взять… Чтоб хозяин из-за слуги свои дела откладывал – правда, смешные люди эти наррабанцы?

Чинзур что-то еще вопросительно чирикал, но старый

ученый уже не слышал его. Ковер под ногами закачался, как палуба на волнах; кровь в ушах зашумела, как прибой на рифах. Илларни почувствовал себя на борту корабля, который вот-вот разобьется в щепки на скалах.

Слуга тем временем устроился на ковре возле низкого деревянного столика с письменными принадлежностями и начал аккуратно переписывать с навощенной дощечки на бумагу только что продиктованный ученым текст о кхархи-гарр. Весь углубился в работу. Можно подумать, он не понимает, какой новостью только что оглушил хозяина…

Да все он понимает, мерзавец! Не далее как вчера Илларни с Чинзуром толковали о нравах наррабанских вельмож. В частности, говорили о том, что почти каждый из этих господ, каким бы добронравным, богобоязненным и законопослушным он ни был, держит при себе особого слугу – такого, как Косой Крейшо у Таграх-дэра. Этакая помесь палача с наемным убийцей…

Значит, Оплот Горга-до считает, что для поездки в загородное поместье ему необходим палач?

Опустившись на высокую парчовую подушку, Илларни заставил себя трезво и спокойно оценить ситуацию.

Он сам не беседовал с гонцом. О Косом Крейшо ему известно лишь со слов Чинзура. Не исключено, что Таграх-дэр всего-навсего желает понадежнее перепрятать своего опасного, но ценного гостя.

Старый астролог серьезно рискует, кому бы он ни пове-

рил, Чинзуру или Таграх-дэру. Но риск в этих двух случаях неравнозначен.

Если Чинзур предатель, он выдаст Илларни врагам Таграх-дэра. Но это еще не смерть. Можно попытаться искусной ложью заморочить противникам головы или попросту бежать.

А вот если Оплот решил раз и навсегда покончить с рискованной игрой… Да-а, тогда смерть будет быстрой и неумолимой.

Рассудок подсказывал, что нужно немедленно бежать. О том же твердило истосковавшееся по родине сердце.

Тайверан… опутанные вьюнком серые стены сторожевой башни… озорной детский смех… веселые, плутоватые карие глаза…

Орешек! Что с ним, с этим мальчиком, который заменил ему сына? Такой славный, добрый, смышленый парнишка… бездельник и шалопай, но умница, светлая голова и горячая, живая душа! Где он теперь, в какие руки попал? Ему уже больше двадцати… ох, двадцать три, уже мужчина…

– Так ты считаешь, – спросил Илларни, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно, – что твой контрабандист может помочь? Но чем? Достанет корабль? Сейчас же сезон штормов…

Это был первый случай, когда Илларни сам заговорил о побеге.

Слуга замахал руками, чуть не перевернув склянку с чер-

нилами.

– Зачем нам корабль? Разве можем мы бежать в Горга-до? Неужели Оплот не перероет там каждую крысиную нору? Не проще ли затеряться в столице, а оттуда с любым караваном – на западное побережье? Кто подумает искать нас там? Уйдут шторма, и мы из первого же порта – домой… разве плохо?..

Илларни уже отвлекся от мыслей об этом авантюрном плане, перед стариком вновь сверкнули веселые карие глаза мальчишки-раба, который был дорог ему, как родной внук.

«Мальчик мой, мальчик! Почему я, старый дурак, не позаботился о тебе заранее? Надо было продать или подарить тебя в хорошую семью, богатую и добрую… например, высокородному Гранташу, он человек образованный, ты мог бы стать его секретарем… А где ты теперь? Может, в одном из страшных подземных поселков – дробишь камень без надежды когда-нибудь увидеть солнце?..»

Илларни взглянул куда-то мимо Чинзура и сказал тихо, но твердо:

– Я должен вернуться в Грайан. Человек может жить где угодно, но умереть ему лучше всего на родине, после того как он завершит свои дела и позаботится о близких.

– К чему мой господин говорит о смерти? – возликовал Чинзур. – Разве боги допустят гибель великого мудреца? Сейчас же займусь приготовлениями. Позволит ли хозяин мне уйти?

Илларни молча кивнул.

«Да, он не тот спутник, с которым можно пуститься в опасное странствие, – думал звездочет, глядя в спину слуге. – Может быть, я пожалею о своем решении. Но ведь и неверная дорога куда-нибудь да приведет. Главное – не сидеть на месте».

6

Дорожный приют (или, как сказали бы в Грайане, постоялый двор) благоухал пряными, сладкими, тягучими ароматами: хозяин щедро подсыпал на жаровню какие-то сухие зеленые семена. Запах был неплох – все лучше вони, царящей на постоялых дворах Грайана. И вино – хоть не самых изысканных сортов, а все же не чета грайанской кислятине. Жаль только, что сидеть приходится на полу, облокачиваясь на высокие жесткие подушки. Блюда и кубки стоят прямо на вытертом до дыр ковре, и тут же, в двух шагах, расхаживают прочие гости – те, что не выбрали еще для себя удобное местечко. Ходят, между прочим, прямо в пыльной обуви, хотя в Наррабане и принято разуваться у дверей. Такое неприятное зрелище – снующие мимо твоей еды чужие ноги…

Впрочем, ножки, что остановились сейчас рядом с Чинзуром, вызвали у грайанца совершенно иные чувства. Он бросил на них снизу вверх восхищенный взгляд. Высокие, стройные, насколько позволяют угадать пышные шаровары, а уж то место наверху, где эти ножки перетекают в спину… м-м-м!

– Тахиза! – умильно окликнул Чинзур. – Красавица! У меня одна вещичка есть – кому бы подарить, а?

Рука грайанца поигрывала тонким серебряным браслетом. Темные глаза племянницы хозяина кокетливо блеснули.

– Надень сам! – промурлыкала она и легко поставила на подушку маленькую ножку в черном башмачке.

Дрожащими пальцами Чинзур сомкнул браслет на ножке и немного помедлил, сжимая щиколотку, восторженно удивляясь ее хрупкости и изяществу. Не удержался – просунул ладонь под тонкую материю, двинул выше, к икре…

Ножка резко вырвалась. Тахиза наклонилась к наглецу, засверкала глазами.

– Дяде скажу! – жарким шепотом пригрозила она. – Зарежет и в море бросит!

И ушла, возмущенно покачивая высокими бедрами. Но браслет, между прочим, обидчику не вернула.

Чинзур растерянно и сердито развел руками, сказал вслух по-грайански:

– За мой медяк – я же и дурак? За мой золотой – меня в море головой?

Ну и дрянь эта Тахиза! Дрянь и потаскуха! Хотя и требует, чтобы ее называли Тахиза-шиу, девушка то есть. Вечно закусывает концы платка, чтоб никто не сглазил ее девственность. Было бы там что сглазить!

Постаравшись выбросить подлую девку из головы, Чинзур стал прикидывать, как они с Илларни доберутся до столицы. Этот постоялый двор, что расположился у самого поместья Таграх-дэра, придется обойти стороной. А до второго дорожного приюта, что лежит гораздо дальше, обязательно нужно добраться засветло, потому что в здешних краях

ночуют под открытым небом лишь те, кому сильно надоела жизнь.

Контрабандист, что еще недавно пил вино рядом с ним, подробно описал дорогу, обещал помощь. Все бы хорошо… только б не спутало планы письмо, что утром получил Илларни. Ясно, что Таграх-дэр встревожен… догадывается, что его преступление выплыло наружу. Но только догадывается, иначе сразу убил бы звездочета.

И уж конечно, не подозревает, что на него точит когти грозный Хайшерхо, глаза и уши Светоча.

Умен Хайшерхо, умен! Не нравятся ему те, кто рвется к власти. Таких Хайшерхо вовремя останавливает. Вот и сейчас – покопался в жизни вельможи, как мусорщик копается в груде хлама, и вызнал, что грайанский ученый, который якобы пишет историю рода Таграх-дэра, на самом деле – богомерзкий звездочет, составляющий для своего господина гороскопы.

Для такого страшного обвинения нужны серьезные доказательства, и лучшее из них – сам звездочет!

Только бы не сорвалось! Хайшерхо платит щедро, а Чинзуру нужно много денег, чтобы не только вернуться в Грайан, но и замять неприятную историю с внезапной смертью дядюшки. Тогда Чинзур был молод и неосторожен, не сумел предугадать все неожиданности и в результате стал не счастливым обладателем наследства, а спасающимся от казни преступником. Ничего, теперь он все уладит! Богатый человек

даже с Безымянными договорится, не только с законом.

Снова подошла с кувшином Тахиза. Она явно сменила гнев на милость.

– Вино кончается, – шепнула красавица, наклонившись так, чтобы ее грудь коснулась плеча Чинзура. – Придется лезть в погреб, а там темно, я боюсь…

Чинзур тут же забыл о своих великих планах.

– А если бы в погребе тебя ждал хороший знакомый, смелый человек, настоящий мужчина?

– Тогда не страшно, – лукаво повела бровью Тахиза и, подхватив кувшин, исчезла.

Так, теперь главное – не быть дураком и не терять времени. Вход в погреб – во внутреннем дворике. К счастью, дворик пуст, никто не интересуется, зачем гость сдвигает каменную плиту и лезет по приставной лестнице.

Свет, падая сверху, выхватывает из мрака два ряда вмурованных в стену гигантских кувшинов и уводящий в темноту проход меж ними.

После безжалостного наррабанского солнца отрадны подземный холод и полутьма, обнявшие распаленное желанием тело.

Куда менее приятны прикосновение стали к шее и мрачный голос позади:

– Шевельнись – и умрешь.

Чинзур, задохнувшийся от неожиданности и ужаса, даже не думал сопротивляться, покорно дал уложить себя носом

вниз на земляной холодный пол, закинул, как было приказано, руки на шею и прохрипел просительно:

– Кошелек на поясе, бери – и отпустил бы, а? Разве ж я что кому скажу?!

– Молчи, отступник, – равнодушно ответил голос сверху. – От Хмурого Бога кошельком не откупишься.

Это были самые страшные слова, которые Чинзур слышал за свою жизнь, и, похоже, последнее, что ему суждено было услышать. Страх оглушил, ослепил, почти задушил его. Из мыслей осталась только одна, мучительная, раздирающая мозг: «Нашли!»

Но неизвестный во мраке медлил, смерть не шла, и замершее было сердце вновь толчками погнало кровь по жилам, воздух со всхлипом ворвался в пересохшее горло. Чинзур даже рискнул чуть повернуть голову к падающему сверху столбу света.

Плита наверху еще немного сдвинулась, на лестницу ступила ножка в черном башмачке. В душе пленника мышью заметалась надежда: «Тахиза! Помочь не сможет, но хоть завизжит. Люди услышат, сбегутся…»

Девушка спустилась до середины лестницы, вгляделась в темноту и спросила серьезно, без обычного кокетства:

– Все в порядке, Посвященный?

– Все в порядке, Ученица, – откликнулся голос. – Можешь привести его сюда. И пригляди, чтоб нам не помешали…

Тахиза ящеркой скользнула наверх.

Чинзуру показалось, что он завыл в голос, хотя на самом деле ни один звук не нарушил тишину подвала.

Черные башмачки! Ведь он же знал, что Ученики-в-Черном должны носить что-нибудь черное из одежды или обуви. Сам Чинзур когда-то убирал волосы под черную головную повязку…

Ох, верно говорят: у прошлого цепкие когти!

Как он радовался, что станет одним из кхархи-гарр! Как мечтал о том, чтобы назваться Посвященным, а там, глядишь, и Избранным. Лезть выше не хотелось: уж больно крута ступенька.

Но однажды его учитель, Принесший Клятву, в пьяном виде разоткровенничался и выболтал кое-что, о чем не надо бы знать Ученику.

Когда наступает время, Ученика с завязанными глазами (не снимая повязки ни днем, ни ночью) доставляют в пещеру-святилище. Там вместе с другими Учениками-в-Черном (человек десять-двадцать) он клянется Кхархи в верности. Затем его возвращают домой – разумеется, с повязкой на глазах, ведь придется пролить еще немало крови, пока он станет Посвященным и ему будет открыто место, где находится пещера со статуей бога.

Это Чинзур знал и раньше. Но не знал самого страшного: оказывается, в миг принесения клятвы тень Хмурого покидает статую и говорит с Учениками… нет, не говорит – входит в их разум… Понятнее учитель объяснить не сумел,

только мычал счастливо и пьяно, вспоминая миг, когда почувствовал, как сливаются воедино он сам, остальные Ученики и божество… А главное – человек после этого становится другим! Он искренне и восторженно служит Кхархи, даже не помышляя о том, чтобы предать своих собратьев. А если нужно – с готовностью идет на смерть. Вот так после общения с тенью бога человек возвышается душой!..

«То есть сходит с ума», – сказал себе Чинзур – и в тот же день сбежал от учителя.

Убийства и жестокость не отвратили бы Чинзура от кхархи-гарр. Совести и жалости у него было не больше, чем у лисы в курятнике. Но Хмурый заламывал слишком высокую цену за власть и могущество. Ни разум, ни волю грайанец не собирался отдавать. До последнего вздоха, до последнего удара сердца он готов был верно и преданно служить лишь одному человеку: Чинзуру Луговому Кузнечику из Семейства Авиторш…

Размышления пленника были прерваны пинком в бок.

– Эй, что притих? Смотри не сдохни! С тобой сейчас будет говорить Избранный.

Чинзур встрепенулся. Избранный – это серьезно! С чего бы такое внимание к беглому Ученику? Этим людям что-то от него нужно! Что-то другое, не жизнь, не жизнь…

Грайанец до крови прикусил губу, чтобы не заорать от радости. Появилась хоть крошечная надежда! А уж он расстарается, докажет, что живым он может принести больше поль-

зы Кхархи, чем мертвым!

По ступенькам начал спускаться человек. Чинзур успел разглядеть, что это мужчина низкого роста, пожалуй, ниже, чем он сам, с очень длинными руками.

Плита сверху задвинулась. Из тьмы донесся голос, похожий на змеиное шипение:

– Скажи, Посвященный, ты догадался проверить, слышны ли наверху крики из погреба?

– Не важно, – поспешил опередить Посвященного Чинзур. – Криков не будет, зачем нам крики?.. Что хочет узнать Избранный? Какой приказ я должен исполнить, чтобы Кхархи остался доволен?

И замолчал, с тревогой прислушиваясь к доносящимся из мрака сиплым звукам. Что это – гневное покашливание или смех?

– Хорошо, – наконец отозвалось шипение из мрака. – Расскажи о человеке по имени Илларни Звездный Голос из Рода Ульфер.

7

– Почему они тянут, господин? Почему к охраннику не идет смена? Может, они что-нибудь заподозрили?

– Не скули, Чинзур. Если бы они что-нибудь заподозрили, нас не оставили бы одних в комнате…

Чинзур невольно оглядел комнату – и почувствовал внезапный укол тоски. Как не хотелось уходить отсюда в холодную, страшную, полную подлых неожиданностей ночь! Как уютно, тепло и безопасно было здесь!

Синий ковер с золотым узором – сплетение рыб и водорослей. Разбросанные по полу подушки такого же цвета и с тем же узором. Латунные светильники в виде рыбок. В углу, на деревянной подставке, большой стеклянный аквариум с живыми рыбами – крупными, яркими, разноцветными.

Хозяин проследил взгляд слуги.

– Мне их будет не хватать, – с грустной улыбкой сказал Илларни. – Они так скрашивали мое одиночество!

Старик подошел к аквариуму, покрошил на поверхность воды немного сухого корма из стоящей рядом глиняной чашки и постучал по стеклу. Рыбы дружно взметнулись вверх.

Дно аквариума было устлано песком и ракушками, среди которых струились длинные водоросли. Но прежде всего привлекал внимание игрушечный сундук, словно упавший на морское дно с терпящего бедствие корабля. Сундук косо

зарылся в песок, крышка была откинута, вокруг рассыпались «драгоценности» из стекла – красные, зеленые, бледно-голубые.

– Какие дивные стеклоделы эти наррабанцы… – негромко произнес Илларни и тем же тоном продолжил: – Ты уничтожил мои инструменты?

– Почему мой господин спрашивает? – обиделся слуга. – Завернул в тряпку, привязал камень, улучил миг, когда никто не видел, и зашвырнул в море… разве ж я не понимаю?!

Чинзур сказал неправду. Он зарыл опасные инструменты на заднем дворе – зарыл аккуратно, чтобы не повредить их. Хайшерхо оценит такую улику. Даже если звездочет будет запираться под пытками, сверток поможет убедить Светоча в вине старика и Таграх-дэра.

– Молодец, молодец, – благосклонно покивал Илларни и отвернулся к аквариуму, где рыбы жадно хватали крошки корма, опускающиеся к сундуку с «сокровищами».

В первый же день после приезда в поместье старик изучил здесь каждый закуток, отыскивая путь для побега, а заодно и для сокрытия в случае чего следов своего опасного искусства. Конечно, его внимание привлек скалистый обрыв, круто уходящий к морю. Там даже стены не было – только охрана ходила днем и ночью, просто так, на всякий случай. И хотя Илларни с тех пор почти не наведывался к обрыву, он помнил, что прибой не доходит до скалы, оставляя внизу широкую кромку камней и песка. Забросить что-то сверху в

волны мог лишь тот, кто обладал силой легендарного богатыря Раушвеша.

Слуга солгал. А значит, он лгал и во всем остальном.

Но это не имело значения. Завтра в поместье должен был приехать Таграх-дэр, поэтому исчезнуть нужно было этой ночью. Тут им с Чинзуром по дороге. Не важно, какими соображениями руководствовался слуга, подстрекая хозяина к побегу (кстати, у Илларни имелись на этот счет догадки). Этот человек и впрямь может пригодиться в пути. Как говорят в Наррабане, в засуху пьешь и вонючую воду. А уж в столице старый астролог сыщет способ избавиться от опасного попутчика. Илларни имел дело с людьми куда хитрее и коварнее какого-то Чинзура!

А инструменты… ну и что – инструменты? Илларни и раньше жил в Наррабане и знал, как легко могут погубить звездочета орудия его ремесла. Поэтому все, что попало в руки слуги, предварительно было разобрано на составные части и приняло совершенно безобидный вид. Например, небольшая подзорная труба – самый опасный предмет в круглой башне – в развинченном состоянии превратилась в футляр для письменных принадлежностей: острых палочек и перьев. Там даже цепочка сбоку имелась, чтобы подвешивать футляр к поясу… Колесико, которое помогало настраивать изображение на нужную резкость, было теперь прикручено к треноге-подставке и превратило ее в так называемый межевой циркуль. Никому не запрещено практиковаться в

землемерном мастерстве. Илларни и раньше время от времени слонялся с этой треногой по округе, вслух похваляясь перед сопровождавшими его охранниками своими разносторонними познаниями (не только историк, но и землемер!), а заодно, на всякий случай, изучая окрестности…

Единственное, что могло бы безоговорочно погубить астролога, – это две линзы из подзорной трубы. Две большие прозрачные линзы из очень прочного, прекрасно отшлифованного стекла. В порошок их растолочь трудно, разве что разбить на осколки… Но куда эти осколки деть? Зарыть? Ученый с лопатой в руках привлек бы всеобщее внимание, а доверить линзы Чинзуру – это надо вконец из ума выжить. При себе их носить тоже опасно: если Илларни схватят сразу после побега, до того, как он избавится от улик, то можно сразу прикидывать, кем он родится в будущей жизни, потому что эта уже окончена. Спрятать линзы здесь? Рискованно: слуги – народ дотошный…

Что ж, простая логика подсказывает: не можешь спрятать вещь – положи ее на самом видном месте среди подобных ей… Вот они, линзы, целенькие, не разбитые: выглядывают краешками из груды «сокровищ» на дне аквариума. Очень, очень красиво…

– Хорошо, что ветер с моря, – с тоскливой надеждой вздохнул Чинзур. – Говорят, Слепые Тени боятся запаха соленой воды, даже на рыбачьи деревушки не нападают – ведь правда, господин?

– Во-от чего ты боишься! – сочувственно откликнулся хозяин. – Но мы же пересидим темноту у этого твоего… знакомого… А днем эти твари на людей не нападают. А может, их и не существует вовсе. Может, разбойники убивают запоздалых путников, а местные жители валят все на неведомых чудовищ.

– Как же так? – забывшись, воскликнул Чинзур. – Я знал двоих парней, которые этих тварей видели, вот как я – моего господина… Говорят – морды длинные, гладкие, безглазые… зачем бы тем парням врать?

Илларни нахмурил брови:

– Даже так? Видели хищников совсем близко – и остались в живых? Ай да парни! Как же им так повезло?

Чинзур прикусил язык, поняв, что сказал лишнее. А Илларни продолжал, пряча в глазах насмешку:

– Ходят слухи, что разбойники и кхархи-гарр – а зачастую это одни и те же люди – заключают со Слепыми Тенями нечто вроде союза. Чудовища не трогают разбойников, шляющихся по ночным дорогам, а те за это скармливают тварям тела убитых. Если опять встретишь тех двоих, Чинзур, будь с ними поосторожнее: кто знает, что они за люди!

Чинзур в смущении отвернулся к окну – и негромко воскликнул:

– Господин, взгляни – смена охранников!

Илларни подошел, глянул из-за его плеча.

– Отлично! Теперь у нас есть немного времени… Но

помни: ты обещал не убивать часового!

* * *

Хотя было и не полнолуние, луна предательски высвечивала каждую трещину в скале, каждый выступ. Илларни предпочел бы полную тьму, когда не видишь, куда ставишь ногу, зато и не боишься стрелы вдогонку. Увы, астрологи лишь созерцают небесные светила, а не повелевают ими…

Жесткая колючая веревка резала руки, ветер грубо толкал старика в спину, швыряя лицом на скалу. Но Илларни шустро спускался, не испытывая страха. Наоборот, он чувствовал себя помолодевшим, вновь окунувшимся с головой в авантюрные похождения.

Море ревело разбуженным зверем. Илларни видел сверху, что прилив затопил большую часть полосы, протянувшейся вдоль берега.

Нога ступила на каменный карниз. Прямо из скалы выглянул Чинзур, потянул астролога куда-то вбок:

– Здесь пещера, господин мой. Не лучше ли хозяину подождать тут? А я бы глянул, нет ли сигнала от контрабандистов…

Пещерка почти не защищала от ветра и соленых брызг – не пещерка даже, а так, выбоина в скале. Зато там можно было сесть, положив ободранные руки на торчащие у подбородка колени, и расслабиться. Однако бдительности старик

не терял: прислушивался, не доносятся ли сверху крики, не хватились ли их в поместье.

А Чинзур змеей соскользнул к подножию скалы и пустился бежать вдоль берега. Перебрался через небольшой каменный мыс и увидел в скалах ровный красный огонь. Это горел в пещере разложенный контрабандистами костер.

Да, люди Хайшерхо знали свое дело. Они были повсюду, они были бесстрашны, точны и исполнительны. Пришел приказ доставить в Нарра-до двоих человек – и пожалуйста, все готово. Разведен в укромной пещере огонь, приготовлены запасы еды и все необходимое, чтобы изменить внешность: одежда, накладные бороды, краска для лица. И сидят у костра двое-трое вооруженных верзил, готовых, не задавая вопросов, охранять путников до самой столицы.

Наверняка все так и есть. Но на этот раз приказ Хайшерхо не будет исполнен. В игру вмешались слуги Хмурого.

Сейчас, именно сейчас судьба дарит Чинзуру несколько мгновений, чтобы решить, как быть дальше.

В винном погребе коварной Тахизы Чинзур со страху наговорил лишнего. Теперь кхархи-гарр известно все: место встречи, путь до Нарра-до, дом, где Илларни должен остановиться в столице… Где они нанесут удар? В городе? По дороге? А может, поджидают у костра, бросив в море тела контрабандистов? Самое важное, самое главное: сохранят ли кхархи-гарр жизнь Чинзуру?

И ознобом по позвоночнику, льдом по сердцу пришел от-

вет: а зачем? Он свое дело сделал, привел звездочета в лапы слуг Хмурого. К чему дальше возиться с отступником, который предал сначала Кхархи, потом Хайшерхо?

Чинзур круто повернулся и, спотыкаясь, зашагал прочь от огонька, сулившего защиту и тепло. Зашагал в грозную ночь, полную врагов, чудовищ, холодного ветра и неизвестности.

Поравнявшись с пещеркой, где ждал Илларни, слуга глухо сказал:

– Плохо дело, господин мой. Нет нам знака. Может, помешало что-нибудь контрабандистам? Будем возвращаться, пока нас не хватились? Или пересидим до света здесь, в скалах?

Чинзур уже неплохо изучил старого астролога и не удивился, когда тот твердо ответил:

– Возвращаться нельзя. Ты же хвастался, что разузнал дорогу? Ну, так…

Старик настороженно замолчал: сверху донеслись крики.

– Часовой очнулся, – шепнул Чинзур так осторожно, словно наверху кто-то мог расслышать его сквозь шум прибоя.

– Уходим! – скомандовал Илларни.

* * *

Ветер с воем летел по ущелью – то ли торопил беглецов, то ли угрожал им. Промокшая одежда противно липла к телу и воняла гнилыми водорослями. Еще бы! Именно в куче

выброшенных на берег водорослей два загнанных человека еще недавно пытались укрыться от охранников с факелами, гортанно перекликавшихся вдоль берега.

Четверть звона назад беглецы были уверены, что им удалось обмануть преследователей и что можно без опаски уходить прочь от моря. И вот теперь – визгливые вопли, эхом катящиеся по ущелью, и три факела позади во тьме.

Но тьма не была спасительно густой и непроглядной. Стремительно летящие со стороны моря облака то закрывали луну, то проносились дальше, позволяя падающим с неба белесым потокам высвечивать ущелье до самого дна.

Илларни устал, старое сердце тяжело колотилось в ритм бегу… впрочем, не было никакого ритма, да и не бег это уже был, а неровный быстрый шаг, мучительный, уносящий последние силы.

Но мысли храброго ученого были не о том, что сердце больной птицей тычется в ребра, мышцы невыносимо болят, а горло глотает воздух не струей, а плотными сгустками. Илларни умел в критические моменты отвлечься от забот о собственном теле. И сейчас он с упорством отчаяния искал выход из опасной ситуации.

Эти трое свирепы и сильны, как псы, – скоро догонят! Попробовать дать им бой? Идиотская мысль! Подкупить? Только не с тем, что звенит у них с Чинзуром в кошельках! Но даже если у Чинзура при себе больше денег, чем он говорил, охранники предпочтут взять и деньги, и пленников. Угово-

рить, убедить, обмануть? Но Таграх-дэр, как многие богачи, набирал охрану из горцев, которые с презрением относились к жителям прочих местностей. Говорили меж собой на своем диалекте, а обычный наррабанский язык знали плохо. Впрочем, когда хозяин скажет: «Убей!» – они, конечно, поймут…

Горькие торопливые раздумья прервал дикий крик позади. Бегущий перед Илларни Чинзур обернулся через плечо, споткнулся, взвыл и упал на колени, с безумным ужасом глядя куда-то назад и вверх.

Илларни расширившимися глазами тоже взглянул ввысь. То, что прочертило небеса над беглецами, было куда страшнее стремительных облаков.

В панике Чинзур вскочил на ноги и зайцем метнулся прочь, но Илларни, которому новая опасность вернула молодые силы, в два прыжка догнал слугу, вцепился в плечи, швырнул на камни, даже не удивившись тому, что он, старый человек, легко справился с тридцатилетним мужчиной. Рука Илларни уверенно и жестко сжала шею Чинзура пониже уха – там, где бешено пульсировала под кожей жилка.

– Двинешься – убью! – тихо, но грозно пообещал астролог. – Замри, не дыши!

Рядом хлопали тяжелые крылья и раздавались полные ненависти вопли – там шел бой. А два беглеца лежали, как упали – на спине, лицом вверх, – и остановившимся взглядом смотрели на чудовище, что нависло над ними.

Этот темный летучий кошмар был не очень велик – локтя

в три длиной. В воздухе его удерживали мерные удары широких перепончатых крыльев. Безволосая кожа в свете луны блестела, как намыленная; на тянущейся к людям длинной морде не было ни глаз, ни рта. Страшнее всего был прижатый под животом длинный гибкий хвост с острым изогнутым шипом на конце.

Чинзуру хотелось вскочить и с воплем помчаться по ущелью – прочь от гнусной твари. Но уцелевшая частица рассудка напоминала ему о том, что он узнал когда-то от кхархи-гарр: жила за ухом очень уязвима, одним нажатием на нее можно заставить человека потерять сознание. А подольше не отнимать руки – и человек умрет…

Застыв меж двумя смертями, оскалившись в гримасе невыносимого страдания, Чинзур глядел, как бьет над ним крыльями Слепая Тень. Он не мог даже закрыть глаза.

Ночной воздух прорезали отчаянные человеческие крики. Хищник дернулся в воздухе, рывками набрал высоту и спикировал влево – туда, где шла битва.

Крики смолкли, отзвучал последний стон. Слышны были только возня да хлопанье кожаных перепонок. И вот оцепеневшие от ужаса Илларни и Чинзур увидели незабываемо мерзкое зрелище. Низко, почти над их лицами пролетели четыре Слепые Тени. Тяжело взмахивая крыльями, твари тащили тело одного из охранников, похожее на сломанную куклу, подцепив его своими шипами-крючьями как попало: под ребра, за живот, за шею…

Отвратительная возня слышалась со всех сторон, но ни Чинзур, ни Илларни не смели повернуть голову.

Когда все стихло, обессиленные беглецы еще некоторое время глядели в светлеющее небо, на котором поблекла луна.

Наконец Илларни убрал руку с шеи слуги и осторожно поднялся на ноги.

– Улетели, – хрипло пробуя свой голос, вымолвил старик.

Чинзур попытался встать, рухнул на четвереньки, его вырвало на покрытые мхом камни.

Пока слуга приходил в себя, его хозяин осмотрел место боя. Обнаружил пятна крови, но не нашел ни одного трупа.

– Что ж, – задумчиво сказал Илларни, – можно считать доказанным, что эти существа нападают лишь на движущуюся добычу. Они и впрямь слепы. Вероятно, они находят жертву на слух либо чутьем… а от нас так и несет этой соленой гнилью, она забивает запах человеческого тела. Кроме того, Слепые Тени могут…

– Хозяин! – взвизгнул Чинзур. – Уйти б нам поскорее, а?..

– Погоди, не мешай: я должен четко сформулировать мысли, чтобы при случае все точно записать. Итак… Слепые Тени могут также обладать тем загадочным, почти не изученным чувством, что присуще летучим мышам. Пасть практически отсутствует… любопытно бы узнать, как они питаются…

– Вот сейчас вернутся – узнаем! – мрачно посулил Чин-

зур.

– Вряд ли, уже светает… Впрочем, нам действительно пора идти…

Когда путники двинулись дальше по ущелью, Чинзур не удержался:

– Могу я спросить, откуда мой господин знает этот способ убийства?

– Я немного и лекарь, – со спокойной гордостью сказал Илларни. – Это место называется – Жила Жизни…

– Мой господин мудр, но неужели он вправду смог бы убить меня?

– Не знаю, Чинзур…

Подумав, Илларни добавил про себя: «Вряд ли…»

8

Таграх-дэр сидел на черно-багровом молитвенном ковре, поджав колени к подбородку. Ладони его были прижаты к вискам, глаза закрыты, губы что-то беззвучно шептали. Оплот Горга-до напряженно покачивал головой и словно ждал, что вот-вот его окликнет некто грозный, неумолимый…

Слуга с робостью глядел на острый, как лезвие ножа, профиль хозяина, на посеревшую, потерявшую свой коричневый цвет кожу, от которой отхлынула кровь. Конечно, нельзя вторгаться в разговор человека с богами. Таграх-дэр очень набожен и может убить наглеца, посмевшего прервать его молитву.

Но слуга не знал, что хозяин далек сейчас от благочестивых размышлений.

«Тщеславие, – мучительно думал Таграх-дэр, – подобно прекрасному коню великолепных статей. Глупец надеется, что, сев на такого скакуна, он будет вызывать зависть у пеших путников и быстро доскачет туда, куда влечет его душа. Но это не так. Конь норовист, и счастлив тот, кто сумеет покинуть седло по своей воле. Скорее всего, всадник будет сброшен в дорожную пыль и насмерть растоптан копытами…»

Губы вновь зашевелились. Но они шептали не священное

имя Гарх-то-Горха, Единого-и-Объединяющего. Не взывали они к Двуглавому Тхайассату, который покровительствовал городу Горга-до. Тот, кто умеет читать по губам, разобрал бы имя: «Хайшерхо!»

Проклятое имя! Ненавистное имя! Да разорвет своими щупальцами Гхурух того, кто это имя носит! Жалкая тварь, сын уличного писца, не имеющий права добавить к своему имени слово «дэр»! Потому и не может занять высокий пост при дворе Светоча. Именуется скромно: смотритель дворцовых архивов… Ха, он в эти архивы и дорогу-то не знает! Некогда ему! Ведь он – «глаза и уши Светоча»! Плетет по всей стране паутину из шпионов, лазутчиков, доносчиков… похоже, что Таграх-дэр в эту паутину и угодил.

Подняв веки, хозяин впился в лицо слуги острым гневным взглядом. Слуга молча опустился на колени, виновато склонил голову. Отчаяние волной захлестнуло Таграх-дэра: беглецы не найдены!

– Искать! – хрипло каркнул он, не добавив ничего: ни угроз, ни посулов. Все и без того знали, как грозен в ярости и щедр в хорошем настроении Оплот Горга-до.

Слуга поднялся на ноги, но медлил уходить. Еле заметным кивком Таграх-дэр позволил ему говорить.

– Вчера на корабле «Золотая креветка» из порта Аршмир прибыли двое грайанцев. Мужчина и женщина. Судя по всему, знатные люди… Женщина очень красива, – чуть поколебавшись, добавил слуга.

Во взгляде Таграх-дэра мелькнуло удивление. Какой же красавицей должна быть незнакомка, если слуга посмел обратить на это внимание хозяина!

– В тот же день мужчина был замечен возле дома моего господина…

– Что значит «был замечен»? Говорил с кем-то из прислуги? Пытался что-нибудь вызнать?

– Не знаю, – виновато выдохнул слуга и заторопился: – Я расспрошу каждого… перетрясу всех, кто…

Этот жалкий лепет был остановлен гневным взглядом хозяина. Господину незачем знать, какими средствами слуга будет исправлять свою непростительную ошибку.

– Утром они наняли погонщиков мулов, – продолжал слуга, – тронулись в путь по дороге Соленого Ветра и недавно прибыли в дорожный приют, что расположен рядом с твоим поместьем, Оплот.

Таграх-дэр улыбнулся грозно и недобро.

– Кто еще прибыл в Горга-до на этом корабле?

– Трое купцов, каждого из них мы знаем. И двое грайанских наемников, мужчина и женщина, с ними рабыня на продажу…

Легким движением изящной кисти Таграх-дэр отмел эти несущественные сведения.

– Знатные гости, говоришь?

– Дети Рода, не меньше, выглядят так…

– Надо пригласить их отобедать у меня. Посмотрим, что

за люди.

Про себя Оплот добавил: «И если они окажутся людьми Хайшерхо – пусть молят о спасении своих грайанских богов!..»

* * *

– Когда хозяин войдет в комнату, он ничего не скажет, даже не поздоровается. Ты молча встанешь, снимешь меч с перевязи и повесишь на стену – вон крючки, видишь? После тебя я повешу свой меч, только потом начнется обмен приветствиями. Говорить за нас обоих будешь, к сожалению, ты. Такие здесь порядки: беседу ведет мужчина, если, конечно, он не слуга. А женщина открывает рот, лишь когда к ней обращаются с вопросом.

– Очень разумные порядки.

– Еще наболтаешься, а сейчас слушай и запоминай… О Безликие, как ты расселся! Как лягушка на кочке! Смотри на меня. Левую ногу подогни под себя. Левую, тебе говорят! Всем весом садись на левое бедро. Колено правой ноги подтяни к груди… нет-нет, не надо задирать ногу. Обхвати колено руками…

– А то я не видел, как наррабанцы на полу сидят!

– Кого ты видел? Матросню пьяную да наемников? Ты не в кабаке, а в доме вельможи, так что сиди как полагается!

– Неудобно же!

– Терпи. Когда подадут еду, можешь развалиться поудобнее.

– Ладно, я согласен хоть на носу стоять, лишь бы скорее эта поездочка закончилась. Тебе, может, и некуда спешить, а меня невеста ждет.

– Ничего, – ровно сказала Нурайна. – Отдохнет бедняжка от твоего присутствия.

В душе женщины кипели раздражение и гнев. Последние дни ей постоянно приходилось сдерживать себя, сносить дерзкие, оценивающие мужские взгляды, молча ждать, пока ее спутник решает их общие дорожные проблемы. Дочь короля умела скрывать свои чувства, но это становилось все труднее… особенно потому, что наглый выскочка, общество которого ей приходилось терпеть, явно получал удовольствие от путешествия.

Упоминание о невесте послужило, как говорят в Грайане, последней градиной, сломавшей ветку. Королевскую дочь и раньше глубоко ранила мысль о том, что мерзкий самозванец посмел выдать себя за жениха Волчицы. Сочувственно думала Нурайна о том, какой мучительный стыд испытала несчастная девушка, когда раскрылся обман. Узнав, что эта неслыханная свадьба все же должна состояться, Нурайна даже выругалась, что бывало с ней редко.

А теперь бесстыжий негодяй вскользь, небрежно заявляет, что его ждет невеста. А на злую реплику Нурайны даже не обиделся. Закинул руки за голову и улыбнулся – не дерз-

ко, как обычно, а мечтательно, ласково, светло:

– Нет, ты не понимаешь. Она тоскует… она любит меня. Если ты забыла, что означает это слово, разверни любой свиток стихов. Например, Джаши или Айфижами. Это в любом возрасте не помешает освежить в душе…

Черной бурей взвилась Нурайна, молнией засверкали ее гневные глаза.

Нет, ее обидел не намек на возраст, она его попросту не заметила. Гораздо больнее было услышать, что она забыла, что такое любовь. А невыносимее всего была снисходительная невозмутимость этого наглеца. Он говорил с королевской сестрой, как с несмышленым ребенком, который при всем желании не может обидеть взрослого человека.

Нурайна не закричала, не вцепилась в ненавистное лицо ногтями. Лишь легкая дрожь в голосе выдавала ее бешенство:

– Может, я и не помню, что такое любовь. Но я ее знала – в отличие от твоей невесты. Уж не думаешь ли ты, что сумел разбудить ее сердце? Не обольщайся. Это сделал плащ с вышитым соколом. Не будь на твоей одежде знака Клана… думаешь, Волчица обратила бы на тебя внимание? Думаешь, она вообще заметила бы, что ты мужчина? Ее любовь рождена твоим враньем и держалась на вранье! Неужели хоть одна женщина – я говорю не о рабынях и Отребье – позарилась бы на такое сокровище, как ты?

Улыбка слетела с лица Орешка, как от пощечины. Он по-

бледнел и задохнулся. Перед глазами промелькнула картина: железная клетка, в ней мечется мрак, из которого сверкают глаза и жарко полыхает пасть…

Лишь миг длилось видение, но Орешек сразу понял, почему память вытолкнула из своих глубин именно это воспоминание.

Он вместе с другими грузчиками на веревках и шестах стаскивал по сходням клетку с огромной черной пантерой. Заморская пленница металась и шипела, парни хохотали и дразнили жуткую зверюгу. Было очень весело – до того момента, когда один из грузчиков подошел к клетке на шаг ближе, чем другие. Мощная лапа вылетела сквозь прутья решетки, когти пропахали весельчаку плечо и грудь…

Вот и сейчас он дразнил пантеру в клетке – и она до него дотянулась. Ох как дотянулась! Каждое слово Нурайны било наотмашь, потому что было правдой. Той правдой, которую Орешек прятал от самого себя глубоко в душе.

Неизвестно, что сказал бы (или сделал бы) бледный, со сверкающими глазами и сжатыми кулаками парень. Но тут послышались шаги. Два человека, умеющие владеть собой – придворная дама и актер, – тут же придали своим лицам выражение вежливого ожидания и обернулись к двери.

На пороге остановился сухощавый, по-юношески стройный человек с замкнутым лицом. Его темные глаза строго и внимательно переходили с одного гостя на другого.

Таграх-дэр гордился своим умением с первого взгляда со-

ставить верное представление о человеке. (При этом он старался не вспоминать об ошибках, которые время от времени допускал. Например, с Чинзуром, подлым грайанцем, явно замешанным в бегстве звездочета…) И сейчас он оценивал гостей, как ювелир оценивает положенный на ладонь камень.

Мужчина молод, явно неглуп, с фигурой воина и взглядом образованного человека. Держится вежливо и сдержанно, но вельможа уловил в его глазах отсвет бушующего в душе пламени: гость не то взволнован, не то рассержен. Молча, как и предписывает традиция, снял меч, повесил на стену. Сразу же после него ту же церемонию проделала женщина, одетая в мужскую одежду.

Гостья заинтересовала Таграх-дэра еще больше, чем ее спутник. Женщина и впрямь прекрасна, хотя оставила позади годы, которые в Наррабане называют «возраст бутона», и вступила даже не в «возраст цветка», а, пожалуй, в «возраст плода». Красота совершенно не грайанская. Хоть кожа посеверному бела, но лишь наррабанская кровь может подарить женщине такие волосы и глаза. Глядит уверенно и спокойно, встала с ковра легко и изящно. С мечом обращается привычно, можно догадаться, что оружие для нее – не просто знак независимости и власти. Некоторые знатные наррабанки, подчеркивая, что они не чета прочим женщинам, носят у пояса игрушечную саблю, но это, похоже, иной случай. Про таких, как эта незнакомка, говорят: «У нее мужская душа».

Прекрасна, как сказочная Дева-Молния. Но Таграх-дэр

ни за что не ввел бы такую в свой дом. И не потому, что Оплот Горга-до предпочитал пухленьких юных проказниц. Просто такие, как эта гостья, плохо умеют подчиняться. К тому же они умны, а это серьезный недостаток для женщины.

И незнакомец, и незнакомка знают наррабанские обычаи, но не в совершенстве: забыли снять обувь при входе в дом. Впрочем, ни к чему хозяину обращать внимание на мелкие промахи гостей…

– Откуда бы вы ни прибыли – да будет милостив к вам Двуглавый Тхайассат, – учтиво произнес Оплот Горга-до, опустился на ковер и жестом предложил гостям расположиться рядом.

Слуги внесли высокогорлые кувшины, кубки на тонких ножках и блюда с крупными желтыми плодами тхау, горьковато-кислыми, разжигающими аппетит и жажду.

Хозяин устремил на гостей вопросительный взгляд. Орешек понял, что пора представиться…

Ох как неосторожно поступила Нурайна, рассердив его перед таким важным разговором! Ведь у них все было продумано: Нурайна – дочь ваасмирского купца, мать ее была из Наррабана. Семья случайно узнает, что дед Нурайны, живущий в Тхаса-до, тяжело болен, может вот-вот умереть. Старик богат; возможно, захочет оставить часть своего состояния грайанской внучке. Вот женщина и отправилась в дальний путь в сопровождении двоюродного брата…

Все это Орешек и должен был изложить хозяину. Но в этот

миг он не мог рассуждать разумно. Душа его содрогалась от боли и ярости. Хотелось ему только одного: отомстить спесивой гадине, прямо сейчас! Любой ценой!

Значит, он недостаточно хорош для любой женщины, если она не из Отребья?

«Ладно, красотка, сейчас ты сама будешь объясняться мне в любви!»

Он вскинул на вельможу карие глаза, чистые и бесхитростные.

– Имени своего я не назову, скрою и имя моей спутницы, да простит нас благородный хозяин. За нами может быть погоня, а мой господин, возможно, знает эту грайанскую примету…

При слове «погоня» Нурайна недоуменно и тревожно подняла голову, а Таграх-дэр понимающе кивнул. Да, он знал эту примету: беглец, если не хочет быть пойманным, должен как можно реже произносить вслух свое имя, даже при самых надежных людях.

– Оплот Горга-до, наш гостеприимный хозяин, – продолжил Орешек, – принимает сейчас под своим кровом влюбленных, которые решили не дать злой судьбе разлучить себя. Мой Род и Род моей ненаглядной издавна враждуют, и для меня был один путь к счастью – похищение. Я увез ее, как в Огненные Времена Ульгир Серебряный Ручей увез прекрасную Жаймилину.

Нурайна опустила глаза, надеясь, что ее бессильное бе-

шенство будет принято за душевное смятение и робость.

– Стесняется, – нежно оглянулся на нее Орешек. – Щеки-то как запылали! А ведь не жалеет, что покинула родной дом… Правда, любимая?

Женщина молчала.

– Ну, порадуй меня, – настаивал наглец, – скажи: «Да, дорогой!»

– Да, дорогой, – бархатно промурлыкала Нурайна – и Орешек вновь вспомнил клетку с пантерой.

– Боги снисходительны к любви, – вежливо отозвался хозяин. – Куда же лежит ваш путь?

– В Тхаса-до, у моей звездочки там родственники по материнской линии.

– Я так и понял, что в госпоже есть наррабанская кровь, – улыбнулся Таграх-дэр уголками губ.

– Конечно! – с энтузиазмом откликнулся Орешек. – Лучшее, что в ней есть, – от наррабанских предков! Она прекрасна, как ночь над пустыней, и горяча, как летящий из песков ветер. Уверен, она и сейчас жалеет, что мы с ней не наедине!

Изображая смущение, Нурайна закрыла руками лицо, но украдкой отвела ладонь и бросила на Орешка взгляд, ясно говорящий: да, она жалеет, что они не наедине! Очень жалеет!

– И такую драгоценность приходится таскать по дорогам, – вздохнул Орешек. – У нее от волнения начались головные боли, так мучается, ягодка моя… К тому же она бо-

ится мышей, а постоялые дворы ими просто кишат.

– Двери моего дома распахнуты настежь, – любезно сказал хозяин. – Передохните здесь перед далеким путешествием – ведь прекрасной госпоже придется пересечь пустыню.

– Да будет полон радости этот дом! – обрадовался Орешек. – Да прольют на него свои щедроты все боги Грайана и Наррабана!

Нурайна взмахнула ресницами, всем своим видом выражая застенчивую благодарность. В конце концов, все пока складывается неплохо, а изувечить дурака Ралиджа она успеет и потом…

Двое слуг внесли и поставили на ковер огромное массивное блюдо с кусками жареной баранины, источающей потрясающий запах. Некоторое время все трое молча ели и пили – в Наррабане не любят застольных бесед.

Таграх-дэр мрачно прикидывал, что делать дальше. Все, что говорил гость, звучало вполне правдоподобно. Вроде бы грайанец был виден насквозь: избалованный, нагловатый Сын Рода, которому, вероятно, впервые в жизни в чем-то отказали родители и который, разобидевшись, решил добиться своего…

И все же что-то здесь было неправильно. Что-то здесь было не так. Может быть, неуловимая странность связана с женщиной?

Вельможа бросил короткий взгляд на гостью. Неровное дыхание, красные пятна на скулах, устремленный вниз

взгляд – словно нет на свете ничего важнее, чем узор на ковре… Что ж, это вполне естественно: женщина, не слишком юная, бежала из дома с красивым наглецом гораздо моложе себя. Скорее всего ищут ее не родители, а разъяренный муж… понятно, что она нервничает.

И все-таки, все-таки…

И тут вельможа заметил то, что превратило его смутные подозрения в мрачную, беспощадную уверенность.

Женщина на миг подняла глаза, метнула на своего спутника быстрый взор – и тут же скромно опустила очи на блюдо с бараниной.

«О черные щупальца Гхуруха! Таким взглядом не глядят на возлюбленного! С таким взглядом придумывают пытку для пленного врага!»

Все, что говорили гости, было ложью. Кто же они на самом деле? Люди Хайшерхо? Но ведь они только что прибыли из Грайана! Или это тоже как-то подстроено хитрым старым шакалом Хайшерхо?.. А если они в самом деле из Грайана, то как их появление связано с побегом звездочета?

Было два пути узнать правду. Оставить гостей в доме и следить за каждым их шагом, подкарауливать каждый их вздох… Но это требует времени, а враги Таграх-дэра не станут медлить. Остается второй путь – путь грубой силы. Швырнуть грайанцев в подземелье, подержать там некоторое время для пущего устрашения, а затем допросить как следует…

Конечно, эти двое без драки не сдадутся. Мужчина, судя по виду, хороший воин, да и женщина, надо полагать, во время боя не забьется в угол, дрожа от ужаса. А ведь взять их надо живыми…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.